

A woman with dark hair in a braid, wearing brown leather armor, stands in front of a large black dragon. She is holding glowing blue fireballs in both hands. The dragon's head is visible in the upper right, and its wings are spread. The background is dark and atmospheric.

Наталья Гализина

Женщина дракона

18+

Наталья Гализина

Женщина дракона

<https://litres.ru/73800952>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она не знала, что развод — это только начало.

Измена мужа перевернула жизнь Ольги, но настоящий переворот ждал её впереди. Случайное прикосновение к порталу — и она просыпается в теле прекрасной воительницы на далёкой планете. Красивый и опасный мир с двумя солнцами, магией и древними кланами готов принять её... но только если она сыграет роль той, кем не является.

Линга сбежала на Землю, оставив Оле не только своё тело, но и свои проблемы: семью, бывшего возлюбленного, который ждёт ответа, и врага, которого она однажды унизила. Дроган — глава клана драконов, сильный, властный, опасный — не привык проигрывать. Он хочет получить ту, кто посмела его обмануть.

Война кланов, тайны прошлого, магия и страсть. Сможет ли Ольга найти своё место в новом мире и принять любовь, от которой невозможно убежать?

Наталья Гализина

Женщина дракона

ЖЕНЩИНА ДРАКОНА

АННОТАЦИЯ

Она не знала, что развод – это только начало.

Измена мужа перевернула жизнь Ольги, но настоящий переворот ждал её впереди. Случайное прикосновение к порталу – и она просыпается в теле прекрасной воительницы на далёкой планете. Красивый и опасный мир с двумя солнцами, магией и древними кланами готов принять её... но только если она сыграет роль той, кем не является.

Линга сбежала на Землю, оставив Оле не только своё тело, но и свои проблемы: семью, бывшего возлюбленного, который ждёт ответа, и врага, которого она однажды унизила. Дроган – глава клана драконов, сильный, властный, опасный – не привык проигрывать. Он хочет получить ту, кто посмела его обмануть.

Война кланов, тайны прошлого, магия и страсть. Сможет ли Ольга найти своё место в новом мире и принять любовь, от которой невозможно убежать?

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть первая. ЧУЖАЯ СРЕДИ СВОИХ

Пролог – Предательство мужа и развод

Глава 1 – Встреча с порталом

Глава 2 – Два солнца

Глава 3 – Дом

Глава 4 – Тетрадь Линги

Глава 5 – Чужая среди своих

Часть вторая. ВЫЗОВ ДРАКОНУ

Глава 6 – Новая жизнь

Глава 7 – Первая встреча с драконом

Глава 8 – Подарок дракона

Глава 9 – Предложение руки и сердца

Глава 10 – Встреча на поляне

Глава 11 – Похищение.

Часть третья. ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Глава 12 – Освобождение из темницы

Глава 13 – Комната для пленницы

Глава 14 – Дни перед бурей

Глава 15 – Бегство и возвращение

Глава 16 – Истина освобождает

Глава 17 – Два дома

Часть четвёртая. ЯЩЕРЫ С ВОСТОКА

Часть 18– Молчащая жемчужина

Часть 19 – Эрик ведёт войско на помощь

Часть 20– Похищение ящером

Часть 21 – В плену

Часть 22– Хозяин клана Ящеров

Часть 23 – Ужин с хищником

Часть пятая. В КОГТЯХ У ХИЩНИКА

Глава 24 – Чужой дом

Глава 25 – Новость о беременности.

Глава 26 – Посвящение в воины.

Глава 27– Коготь.

Глава 28 – Ловушка для Дрогана.

Часть шестая. В ЧУЖОМ МИРЕ НАВСЕГДА

Глава 29– Дроган в плену

Глава 30 – Темница ящеров.

Глава 31 – Побег из логова ящеров

Глава 32 – Дом, милый дом.

Глава 33 – Мирная жизнь.

Эпилог. Год спустя

ПРОКТУРА

Часть первая. ЧУЖАЯ СРЕДИ СВОИХ

Пролог

Солнце заливало улицы южного города золотистым светом, но Ольга его не замечала. Она стояла у окна их общей

спальни и смотрела, как Игорь поправляет галстук перед зеркалом. Три года брака. Три года надежд, анализов, бесконечных «расслабьтесь» от врачей.

– Я сегодня задержусь на работе, – бросил он, не глядя на неё. – Не жди.

– Хорошо, – ответила она привычно.

Он ушёл. А она осталась стоять у окна, глядя на цветущие каштаны и не понимая, почему внутри такая пустота.

Ей стало душно. Оля оделась и вышла прогуляться. Ноги сами принесли в парк, к любимой аллее, где они гуляли с Игорем в первые месяцы знакомства.

И там она увидела их.

Игорь сидел на скамейке. Рядом с ним – красивая блондинка с малышом на руках. Мальчику было года два, не больше. Русые волосы, коротко стриженные, разрез глаз – всё, абсолютно всё в этом ребёнке кричало: «Я его сын».

Оля замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось часто-часто, но не от боли – от странного облегчения. Всё встало на свои места. Его постоянные задержки. Его холодность. Его слова: «Понимаешь, дело в тебе»

Она не стала прятаться. Не стала устраивать сцен. Просто подошла и встала напротив.

Игорь поднял голову. В его глазах мелькнул страх, потом обречённость.

– Оля, я могу объяснить...

– Не надо. – Голос звучал удивительно ровно.

Блондинка прижала ребёнка к себе, готовая защищать. Оля посмотрела на малыша – тот улыбался беззубым ртом и тянул ручки к солнцу.

– Красивый мальчик, – сказала Оля тихо.

Она развернулась и ушла, чувствуя спиной их взгляды. Странно, но ей не хотелось плакать. Хотелось дышать. Свободно, глубоко, впервые за три года.

Через месяц их развели. Тихий, спокойный развод без де-лежа имущества и взаимных претензий. Оля вернула деви-чью фамилию – Бастрыкина.

– Вот и всё, – сказала она себе, глядя в зеркало. – Теперь я свободна. – В её голосе слышалась небольшая грусть.

Но она и представить не могла, что её дальше ждёт.

Глава 1. Портал

Погода стояла очень тёплая. Южное солнце щедро залива-ло улицы, заставляя прохожих щуриться и улыбаться, распа-хивая навстречу весне лица. Воздух прогрелся, наполнился запахами молодой листвы и цветущей сирени, которая уже всюю распускалась в скверах.

Оля вышла из здания ЗАГСа со свидетельством о разво-де в руках и глубоко вдохнула этот воздух – чистый, слад-кий, обещающий. Она не оглядывалась. Не хотела видеть ни серые стены, ни казённые двери, ни равнодушные лица со-трудников. Всё позади.

Двадцать пять лет. Разведена. Без детей. Без мужа. Без ил-

люзий.

«Неплохой старт для новой жизни», – подумала она, сушила свидетельство в сумку и направилась к любимому кафе.

Она шла не спеша, разглядывая витрины. В отражениях стёкол мелькала стройная фигурка в светлом платье, которое она купила на прошлой неделе. Шатенка с длинными волосами, собранными в небрежный хвост, серые глаза, подведённые «лисийим взглядом» – подружка научила, сказала: «твоя фишка». Розовые губы и нос с лёгкой горбинкой, который в школе дразнили «картошкой», а теперь называли «изюминкой». Она нравилась себе. Всегда нравилась.

Кафе «Кофеин» располагалось на первом этаже многоэтажки. Оля взяла большой капучино с корицей – её обычный заказ – и вышла на летнюю веранду, укрытую полосатым тентом. Устроилась за столиком у перил, откуда открывался вид на парк, и откинулась на спинку плетёного стула.

На клумбах буйно цвели тюльпаны – красные, жёлтые, полосатые, с тяжёлыми, налитыми светом головками. А чуть дальше, за аккуратно подстриженными кустами самшита, начиналась аллея из спиреи, которую в народе называли «невестой» за её белоснежные, пышные соцветия, похожие на фату. В воздухе витал сладковатый, медовый аромат весенних цветов.

Оля отпила кофе, закрыла глаза и позволила солнцу гладить лицо. Тёплые лучи скользили по щекам, по векам, по губам, и ей казалось, что они смывают всё, что было раньше.

Обиды. Разочарования. Три года жизни, которые она больше никогда не вернёт. Но и жалеть о них она не хотела.

Она открыла глаза, посмотрела на небо – чистое, бесконечное, без единого облачка, – и улыбнулась. На улице была весна. Она свободна. Впереди была жизнь, которую она начнёт с чистого листа.

Странно, но ей совсем не было грустно. Ни капли. Три года она пыталась быть идеальной женой: вкусно готовила, содержала дом в чистоте, поддерживала Игоря в его карьерных начинаниях, терпеливо ждала ребёнка. А он...

– А он просто нашёл другую, – сказала она вслух и усмехнулась.

Оля достала из сумочки и положила свидетельство о разводе на стол и задумалась. Теперь она снова Бастрькина. Родная фамилия звучала гордо, с достоинством. В отличие от «Южиной», которую она с радостью оставила бывшему мужу вместе с его проблемами.

Предстояло сменить паспорт, водительские права, документы на квартиру. Квартира – это отдельная история. Трёшка в старом фонде, доставшаяся от бабушки по материнской линии. Бабушка, царствие ей небесное, вырастила Олю после того, как родители погибли в автокатастрофе. Оле тогда было десять. Через год умер дедушка. Так и жили вдвоём – бабушка и внучка.

Год назад бабушки не стало.

Оля допила кофе и посмотрела на небо. Голубое, чистое, бесконечное.

– Ба, – прошептала она. – Ты там видишь? Я теперь совсем одна. Но ничего. Я справлюсь.

Глаза защипало, но она моргнула – и слёз не было. Она обещала бабушке быть сильной.

Возвращаться в пустую квартиру с мрачными мыслями не хотелось. Хотелось ещё немного побыть здесь, среди цветов, воробьёв и случайных прохожих.

Она встала и побрела в парк.

Аллея из спиреи встретила её пьянящим ароматом. Кусты разрослись так буйно, что белые соцветия свисали почти до земли, образуя живой тоннель. Оля вошла внутрь и остановилась, заворожённая красотой.

Сквозь ветви пробивались лучи солнца, рисуя на земле причудливые узоры. Лёгкий ветерок осыпал её мелкими лепестками, и на миг показалось, что она в сказке.

Оля протянула руку, чтобы коснуться одной из веток, и замерла.

Между ветвей, прямо в воздухе, висел овал. Большой, с её рост. Он переливался всеми цветами радуги, но не ярко, а мягко, словно перламутр.

– Что за... – прошептала Оля.

Она подошла ближе. Свечение пульсировало в такт чему-то, чему она не могла найти названия. Внутри овала клубился туман, и в этом тумане мерещились очертания – горы,

деревья, два солнца?..

– Наверное, инсталляция современного искусства, – сказала она вслух, чтобы успокоить себя. – В парках теперь такое ставят.

Она протянула руку, чтобы коснуться края овала – просто из любопытства.

И мир взорвался.

Сила, несравнимая ни с чем, подхватила её, закрутила, понесла по бесконечному туннелю, где не было верха и низа, только свет, ветер и оглушительная тишина.

Оля хотела закричать, но звук застрял в горле. Хотела закрыть глаза – не могла. Она просто летела сквозь миры. А потом всё кончилось.

Глава 2. Два солнца

Очнулась Оля от того, что лежала на чём-то мягком и пахучем.

Трава. Она лежала на траве. Синей.

– Чёрт, – выдохнула она и резко села.

Голова закружилась, но она пересилила себя и открыла глаза.

Трава под ней была синей. Абсолютно, непривычно, невозможно синей – цвета вечернего неба или васильков. Оля провела по ней ладонью – мягкая, шелковистая.

Рядом росли цветы. Фиолетовые, розовые, красные, оранжевые. Привычной зелени не было совсем – листья растений

отливали пурпуром и индиго.

– Где я? – прошептала она.

Подняла голову вверх – и у неё перехватило дыхание.

На небе сияло два солнца.

Они висели невысоко – гораздо ближе к поверхности, чем земное светило, – и их свет был не резким, не слепящим, а мягким, ласковым, словно два огромных глаза смотрели на неё сверху. Одно было чуть крупнее, золотисто-жёлтое, второе поменьше, с нежным розоватым отливом. Они не палили жаром, не давили, а грели так, будто держали её в своих тёплых ладонях.

А за ними, на самом краю горизонта, виднелись края ещё двух планет. Они были огромны – занимали полнеба, нависали над этим фиолетовым лесом, как два спящих исполина. Ольга смотрела на них, и ей казалось, что они вот-вот рухнут вниз, раздавят этот мир, но они висели неподвижно, застыв в вечном, медленном танце.

Вокруг уже сгущались сумерки. Тени удлинялись, краски блекли, уступая место лиловым и синим тонам. Два солнца клонились к закату, и их свет становился гуще, насыщеннее, словно кто-то разлил по небу расплавленное золото и розовое вино.

Ольга стояла на мягкой, незнакомой траве и не могла отвести глаз от этого неба. Она чувствовала себя крошечной, потерянной, затерянной среди этого величия, и в груди росло странное, незнакомое чувство. Не страх. Не удивление.

Что-то другое – то, чему она не могла дать имя.

– Куда я попала? – сказала она вслух, и голос её прозвучал глухо, чуждо. – Я сплю?

Она ущипнула себя за руку. Больно.

Кожа покраснела, под пальцами запульсировала кровь, но ничего не изменилось. Два солнца по-прежнему сияли на небе, огромные планеты висели на горизонте, а сумерки всё сгущались, погружая этот чужой, незнакомый мир в лиловую дымку.

Ольга опустила руку и медленно выдохнула. Она не спала. Это было реально. И куда бы она ни попала, она не знала, как вернуться обратно. Тот разноцветный овал, через который она попала сюда, исчез.

Она посмотрела на свою руку – ту самую, которой только что щипала себя, – и замерла.

Рука была не её.

Вернее, это была определённо женская рука – ухоженная, с длинными пальцами и аккуратными ногтями. Но кожа была смуглой, как будто она загорала целый месяц на море, а на запястье виднелся тонкий, едва заметный узор – изящная змейка, свернувшаяся кольцом, готовая к прыжку. Она поднесла руку к лицу, повернула, разглядывая – и пальцы послушно двигались, сжимались, разжимались, подчиняясь её воле. Её воле. Но это были не её пальцы. Не её кожа. Не её рука.

Сердце пропустило удар, потом забило где-то в горле,

часто, гулко, отдаваясь в ушах.

Оля медленно подняла другую руку – ту же самую. Смуглая кожа, длинные пальцы, узоры на запястье. Она провела ладонями по лицу – тонкий изящный нос, полные губы. Всё чужое. Всё не её.

Она осмотрела себя. На ней был костюм. Из мягкой кожи тёмно-коричневого цвета, почти шоколадного. Костюм облегал тело как вторая кожа, подчёркивая каждый изгиб стройной, мускулистой фигуры. Вырез декольте был глубоким, но не вульгарным – он открывал ровно столько, чтобы дразнить воображение. Грудь под костюмом была высокой, упругой, явно больше, чем у неё.

Оля провела руками по бёдрам, по талии – всё чужое, но странно знакомое. Сильное тело. Тело воина.

На ногах – мягкие мокасины из той же кожи, с завязками до середины голени. На поясе висел огромный тесак в ножнах. Рукоять была инкрустирована камнями зелёного цвета, которые переливались на солнце, и украшена искусной резьбой в виде змеи, обвивающей рукоять и застывшей с раскрытой пастью у самого лезвия. Глаза змеи были вырезаны из тех же зелёных камней и смотрели на мир холодно, настороженно.

Ольга провела пальцами по рукояти, и ей показалось, что змея шевельнулась под её прикосновением. Но это, конечно, была только игра света.

Потрогала волосы. Длинные, собраны в хвост на затылке.

На ощупь мягкие, пахнут незнакомыми травами – сладкими, чуть пряными.

Оля глубоко вдохнула. Воздух был чистым, прозрачным, с примесью цветочных ароматов. Где-то пели птицы – мелодично, переливчато, совсем не так, как на Земле.

– Я не на Земле, – сказала она вслух. Голос был её – и не её. Тембр тот же, но звучал увереннее, ниже.

И вдруг в голове вспыхнули образы. Яркие, быстрые, болезненные.

Девушка. Лес. Портал. Улыбка.

«Прости. Но у меня не было выбора».

Оля схватилась за голову:

– Что за чертовщина?

Тело слушалось её – и одновременно жило своей жизнью. Оно знало, как стоять, как дышать, как чувствовать опасность. Оно было чужим – и таким родным.

Внезапно из леса донёсся рёв. Низкий, вибрирующий, от которого задрожала земля.

Оля вздрогнула, но тело среагировало быстрее. Ноги сами собой встали в боевую стойку, рука выхватила тесак. Тяжёлое лезвие легло в ладонь как влитое.

Из леса вышел зверь.

Огромный. Размером с небольшой грузовик. Он был покрыт костяным панцирем, похожим на черепаший, только с острыми шипами. Из панциря торчала зубастая голова на длинной шее и мощный хвост, которым зверь бил по земле с такой силой, что кусты и трава разлетались в стороны.

Каждый удар хвоста звучал как выстрел.

– Бежать или драться? – прошептала Оля, сжимая тесак.

Зверь замер. Повернул голову. Посмотрел на неё маленькими чёрными глазками.

И вдруг... заскулил.

Как огромный щенок. Он наклонил голову, виляя хвостом (это выглядело устрашающе и комично одновременно), и радостно побежал к ней.

Оля хотела отшатнуться, но в голове вспыхнуло знание:

«Мрик. Он мой. Он друг».

Зверь – Мрик – подлетел к ней и начал облизывать лицо огромным шершавым языком. Пахло от него лесом, мхом и чем-то сладким.

– Эй! – Оля отбивалась, но беззлобно. – Хватит! Прямо как собака, – удивилась она.

Мрик обиженно засопел и лёг у её ног, подставляя загривок.

Оля, повинувшись внезапному порыву, погладила его по шее. Шкура была тёплой, грубой, но под рукой чувствовалось, как зверь довольно урчит.

– Похоже, ты любишь это, – пробормотала она.

И тут новая вспышка памяти: *«Я езжу на нём верхом. Между головой и панцирем – удобное место».*

– Ты – транспорт? – удивилась Оля. – Ну ничего себе...

Мрик посмотрел на неё с явным возмущением. Он что, понял?

– Ты меня понимаешь? – спросила она вслух. И только

сейчас поняла, что теперь она говорит на чужом языке.

В голове раздался низкий, ворчливый голос:

«Конечно, понимаю. Только ты странная какая-то. Пахнешь как хозяйка, а ведёшь себя... по-другому».

Оля отшатнулась:

– Ты говоришь?! – этот зверь так же обращался к ней на этом чуждом языке, но Ольга его прекрасно понимала.

«Думаю. А ты слышишь. Так и общаемся. Ты чего, всё забыла, когда вышла из этого портала?»

Оля села прямо на траву, обхватив голову руками.

– Как я могу всё помнить, если я не отсюда. Так, значит, это был портал.

Мрик склонил голову, глядя на неё с явным беспокойством:

«Не понимаю. Но пахнешь – ты. Значит, ты. Что с тобой стряслось в портале?»

Она посмотрела на зверя. Огромный, страшный, а в глазах – преданность и тревога.

– Ладно, Мрик. Этот портал действительно что-то со мной сделал. Отвези меня домой, а? – она не знала где этот дом, но точно знала, что ей надо туда.

Зверь радостно тряхнул головой и лёг, подставляя шею. Оля забралась на него, устроившись в углублении между головой и панцирем. Место оказалось на удивление удобным – мягким, тёплым, с хорошим обзором.

Мрик встал и неторопливо потрусил вперёд.

– А далеко ехать? – спросила Оля.

«Часа три, если не спешить», – ответил он мысленно. –

Это тоже не помнишь?»

– Три часа... – Оля откинулась на тёплую шкуру. – Ааа, точно вспомнила, — соврала она.

Мрик фыркнул и потрусил быстрее.

Оля смотрела по сторонам и пыталась запомнить каждую деталь. Деревья – высокие, с фиолетовой корой и листьями цвета индиго. Кусты – розовые, пушистые, усыпанные цветами с пряным запахом. Птицы – маленькие, яркие, перелетающие с ветки на ветку.

Небо постепенно темнело – два солнца клонились к закату. На их место выползали две луны – огромные, серебристые, с тёмными пятнами, похожими на глаза.

– Красиво, – прошептала Оля. – Чёрт возьми, как красиво.
Мрик довольно урчал в ответ.

Она подняла ладонь, проверяя новые ощущения. В теле разливалась странная сила – тёплая, пульсирующая, ждущая приказа. На ладони вдруг вспыхнул огонь. Синий, прозрачный, переливающийся. Он то разгорался, то угасал, подчи-

няясь её воле.

– Ничего себе! – выдохнула она. – Я маг!

Она сформировала небольшой шар и кинула его в ближайший куст. Тот вспыхнул синим пламенем и через секунду превратился в пепел.

Мрик остановился и повернул голову. В его мыслях звучал немой вопрос: «*Зачем?*»

– Показалось, – виновато сказала Оля.

Она спрятала лицо в ладонях и рассмеялась. Истерически, но легче.

– Линга, – прошептала она. – Тебя ведь так зовут? Какие ещё сюрпризы меня ждут?

Дорога заняла много времени. Оля даже задремала на мягком загравке Мрика, убаюканная мерным шагом зверя и бесконечно сменяющимися друг друга картинками фантастической природы.

Сквозь дрему она чувствовала, как ветер играет её волосами, как пахнет цветами – сладко,пряно, пьяняще. Иногда Мрик останавливался пощипать траву, и тогда тишина становилась такой глубокой, что слышно было, как где-то далеко-далеко падает вода. Оля открывала глаза, смотрела на два солнца, неспешно плывущих по небосводу, и снова проваливалась в сон.

Вдали показались горы, поросшие на удивление зелёной травой – яркой, сочной, такой родной после фиолетовых и

синих оттенков леса. Они подошли к шумному водопаду: вода в нём была голубой, как бирюза, и падала с отвесной скалы, разбиваясь на миллионы брызг, в которых играли сразу две радуги.

Ольга каждой клеточкой тела Линги почувствовала, что хочет искупаться в этом водоёме, как это часто делала прежняя хозяйка. Водопады журчали, манили, и Ольга не стала сопротивляться внутреннему желанию.

– Остановись здесь, – попросила она Мрика.

Коргун знал, что его хозяйка любит здесь плавать. Он покорно остановился, опустился на траву, давая ей слезть.

«Давай только не долго, – проворчал он мысленно, – а то знаю я тебя. Уже темнеет. Надо вернуться до темноты, чтобы твои родители не стали задавать лишние вопросы,

где ты была. Я так понимаю, про портал они не знают?»

– Не долго, – пообещала Оля. – Только окунись разок-два и сразу поедem дальше.

Ольга разделась, Мрик стоял в стороне, пощипывая травку, он совсем не смотрел на неё. Она вошла в воду, и тёплая, прозрачная гладь озера сомкнулась над её телом. Её накрыло ни с чем не сравнимое блаженство. Вода была нежной, ласковой, она смывала усталость, страх, напряжение, которое держало её в тисках с того самого момента, как она открыла глаза на этой планете.

«И зачем Линге понадобилось сбегать из такого рая?» – думала Оля, наслаждаясь тёплой водой, глядя, как последние лучи двух солнц скользят по поверхности, рассыпаясь тысячами золотых искр.

Но времени было мало. Сумерки сгущались, и ей пришлось покинуть тёплые воды. Она вышла на берег, быстро оделась, с трудом натянув на мокрое тело кожаную одежду. Мрик уже ждал её, нетерпеливо перебирая ногами.

– Всё, едем, – сказала Оля, взбираясь ему на спину.

Он двинулся вперёд, и вскоре они снова были в пути. Ветер шумел в листве, Мрик мерно покачивал её на своей широкой шее, и Ольга, убаюканная этим движением, почти дремала.

Глава 3. Дом

Наконец показалось поселение.

Оля даже привстала на заливке, чтобы лучше видеть.

Поселение раскинулось на пологом холме, спускаясь к реке, сверкающей на солнце тысячами искр. Дома – одноэтажные, приземистые, но удивительно уютные на вид – стояли

не тесно, а просторно, каждый в своём саду. Стены были сложены из тёплого камня песочного цвета, крыши крыты тёмной черепицей, кое-где поросшей мхом.

Окна – большие, круглые, с частым деревянным переплётом – смотрели на мир приветливо и открыто. Во многих на подоконниках стояли горшки с цветами: ярко-красными, синими, оранжевыми. Двери – массивные, деревянные, с коваными ручками в виде зверей и птиц – манили войти внутрь, обещая тепло и уют.

Вокруг домов буйствовала зелень. Здесь, в поселении, растения были привычно зелёными – кусты, деревья, цветы. Многие домики буквально утопали в садах: розы (или их местный аналог) вились по стенам, невысокие деревца с оранжевыми плодами росли прямо у крыльца, а на клумбах цвели такие яркие цветы, что глазам больно.

Ветер доносил детский смех и спокойные голоса, звон посуды, лай собак, мычание каких-то животных. Обычная, мирная жизнь.

Оля почувствовала странное умиротворение – тело Линги узнавало этот дом, расслаблялось, радовалось возвращению.

Мрик остановился у входа в посёлок. КОРтуны были слишком велики для жилищ людей, они оставались пасть за оградой. За низкой каменной стеной уже виднелись несколько таких же зверей – огромных, бронированных, но на вид совершенно безобидных. Одни лежали, другие бродили, помахивая хвостами.

«*Давай, спокойной тебе ночи*», – мысленно сказал Мрик, и ткнулся влажным носом в её плечо.

Оля слезла с него, обняла за шею (насколько хватило рук), чувствуя под пальцами тёплую, чуть шершавую шкуру, и направилась к воротам. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на всю округу.

– Что говорить? Как себя вести? – бормотала она себе под нос. – Раз меня понимал Мрик и я его, значит, с этим проблем нет.

Поселок встретил её запахами – свежего хлеба, дыма из труб, цветов и ещё чем-то неуловимо домашним. Узкие улочки, мощенные диким камнем, вились между домами, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз.

Она осторожно двинулась по главной улице, надеясь, что память Линги подскажет, где её жильё. Всё больше спускалась ночь. Вокруг сновали люди внешне ничем ни отличимые от землян. Они приветливо кивали ей, некоторые здоровались, называя по имени. Оля отвечала машинальными улыбками, стараясь не выдать своего замешательства.

Ноги сами привели её к дому, который был домом Линги. Она толкнула дверь и вошла.

Внутри оказалось уютно, хоть и непривычно. Прихожая встретила её запахом старого дерева и сухих трав. У стены – массивная вешалка из тёмного морёного дерева, искусно вырезанная в виде ветвей, переплетающихся со змеями. На ней висели добротные вещи: несколько тяжёлых плащей из лёг-

кой шерсти (Оля поняла, что на этой планете всегда тепло, но возможно, эти плащи надевали, когда шёл дождь); куртка из мягкой тиснёной кожи, с серебряными застёжками. Всё дорогое, но без крикливой роскоши – вещи, которые носит тот, кто может себе позволить лучшее, но не нуждается в том, чтобы выставлять это напоказ.

На широких дубовых полках, покрытых салфетками с вышивкой, стояли глиняные горшки – не простые, а с тёмно-зелёной глазурью, с узорами в виде змей. Рядом – деревянные миски, тёплые на ощупь, с искусной резьбой по краю. А над ними, под самым потолком, висели связки сухих трав, источающих тонкий, чуть пряный аромат.

Над входом в общую комнату висело знамя. Оно было выткано из плотной шерсти тёмно-зелёного цвета, почти чёрного, и на нём серебряной нитью была вышита змея, свернувшаяся кольцами и готовая к броску. Не дракон, не крылатый змей – просто змея, сильная, гибкая, опасная. Глаза её были вышиты мелкими изумрудами, и в свете очага они вспыхивали зелёным огнём, словно живые. Знамя было старым – края его поистрепались, серебряная нить кое-где выцвела, но оно висело на самом видном месте, и Оля поняла: это не просто украшение. Это память. Это гордость. Это знак того, кто здесь хозяин.

Всё здесь дышало достатком и основательностью. Но не показным – спокойным, уверенным, как и подобает дому главы клана.

Дальше шла общая комната – сердце этого дома, тёплая, обжитая, но чувствовалось: здесь живёт не простой воин. Посередине возвышался сложенный из дикого камня очаг – не чёрный и закопчённый, как в простых домах, а аккуратный, обложенный светлым камнем, с искусной кованой решёткой для углей. Над ним на тяжёлой цепи висел котёл – добротный, похоже чугунный или из железа (которое использовали здесь так же, как мы чугун), явно работа лучшего кузнеца.

Вдоль стен стояли лавки, покрытые не простыми половиками, а добротными ткаными половиками со сложным геометрическим узором – ромбы, кресты, зигзаги, вытканые синей и красной нитью по белому полю. Работа тонкая, дорогая – не каждая семья могла себе такое позволить. На спинках лавок, на почетных местах, лежали подушки, расшитые всё теми же змеиными узорами.

У стены, под единственным окном, – массивный стол из тёмного морёного дерева, тяжёлый, основательный, на резных ножках. На нём – глиняная посуда, но тоже не абы какая: крынки с тёмной глазурью, кружки с затейливым орнаментом, пузатый кувшин с узором в виде змей – символом их рода. По краю столешницы, выющейся лозой, была вырезана та же змея, что и на знамени – она опоясывала весь стол, замыкаясь в кольцо у ножки.

Над очагом, на массивной каменной полке, стояли фамильные реликвии: несколько старых кубков с выгравиро-

ванными змеями, пара ритуальных ножей с рукоятями из чёрного дерева, искусно вырезанными в виде змеиных голов, и небольшой ларец, окованный серебром, на крышке которого змея сворачивалась кольцами, охраняя то, что внутри. Всё это было старым, потёртым, но ухоженным – вещами, которые передаются из поколения в поколение.

Оля замерла на пороге, разглядывая этот зал. Всё здесь кричало о том, что этот дом – не просто жильё. Это центр клана. Место, где рождаются решения. Где хранится история. Где каждый предмет, каждая деталь напоминает о том, кто здесь хозяин и какая сила течёт в его крови.

За столом сидели четверо: мужчина, женщина, молодой человек и девочка лет пятнадцати. Оля поняла – это её родители, брат и сестра. Она старалась не выдать себя ничем, разглядывая с любопытством убранство хижины, взгляд её вернулся к этим людям, которые считали её своей дочерью и сестрой.

– Ты как раз вовремя, Линга, успела к ужину, – произнёс мужчина с властной осанкой, сидевший во главе стола.

Длинные чёрные волосы с благородной сединой на висках были собраны в низкий хвост. На нём была тёмно-синяя рубашка тонкого льна, расшитая серебряной нитью по вороту и рукавам – замысловатые узоры, похожие на драконов или змей. Поверх – кожаный жилет с металлическими пластинами, начищенными до блеска. Узкие штаны из тёмной ткани заправлены в высокие сапоги из мягкой кожи. Рядом с ним

на лавочке лежал меч в богато украшенных ножнах, рукоять инкрустирована камнями.

Но главное – заколка в волосах. Массивная, золотая, искусно выполненная в виде змеи с чёрными глазами-камнями. Она красиво облегла основание хвоста, и Оля вдруг чётко осознала: это знак власти. Знак главы клана.

Эрик. Глава клана Змей. Её... отец.

Женщина сидела напротив мужчины, с другой стороны
стола. Мелинда. Её мать.

Она была удивительно красива – той зрелой, тёплой красотой, которая не увядает с годами. Густые тёмные волосы вились крупными локонами по всей длине, доставая почти до плеч. Но они не были распущены – искусная причёска из мелких косичек поднималась ото лба до макушки, открывая высокий чистый лоб. Остальные пряди свободно и красиво

спадали на спину.

Волосы женщины украшали заколки – разного калибра и цвета: серебряные цветы, золотые листья, камешки-самоцветы. А надо лбом, ровно посередине,

висела тонкая тика – изящное украшение, спускающееся на лоб прозрачной белой каплей.

Одета Мелинда была в длинное платье из мягкой шерсти тёплого жёлтого цвета, с широкими рукавами, расшитыми по краю. На ногах – мягкие туфли из светлой кожи.

Молодой человек, очень привлекательный, лет двадцати на вид, сидевший по правую руку от отца. Его пышная копна тёмных волос – таких же густых и вьющихся, как у Мелинды – была собрана в длинный хвост. Одежда на нём была проще, чем у отца: рубаша из местной ткани, кожаный жилет без пластин, узкие тёмные штаны, высокие сапоги. Рядом на лавочке, как и у отца, лежал меч попроще, но тоже добротный.

Но главное – заколка. Оля сразу заметила её: серебряная змея с изумрудно-зелёными глазами плотно обхватывала основание хвоста. Точь-в-точь как у отца, но серебряная, не золотая.

Наследник, – мелькнуло у неё в голове. – Это Тристан, старший брат.

Рядом с ним – девушка-подросток, лет пятнадцати, невероятно красивая. Тёмные волосы, похожие на отцовские, были заплетены в множество косичек разной толщины, украшенных разноцветными заколками – там блестела бирюза, тут красный камень, там жемчуг. А надо лбом, в проборе, красовалась тонкая тика – точно такая же, как у матери, но с кулоном не белого, а глубокого синего цвета. Маленькая капля свисала ровно на середину лба, оттеняя большие тёмные глаза.

Одега Зефира была в простое светлое платье, поверх которого был надет расшитый фартук – но не с магическими символами, а с цветами и травами. На поясе висели не оружие, а маленькие мешочки – явно с лекарствами.

От девочки пахло травами и ещё чем-то лекарственным, чуть горьковатым. И Оля вдруг чётко осознала: эта малышка

– целительница. Она не воин, она лекарь. Полная противоположность Линге.

– Садись уже, моя девочка, – сказала Мелинда, – давайте уже поужинаем, да скоро будем ложиться спать, что-то мы сегодня припозднились с ужином.

Ольга села напротив брата и сестры и с удовольствием принялась за еду. Та была для неё совершенно непривычна, но пахла вкусно –пряно, дымно, с травяными нотками, – и на вкус оказалась такой же.

Перед ней стояла глубокая глиняная миска с кашей из жёлтого зерна, заправленной орехами и сушёными ягодами, от которых исходил сладковатый, чуть терпкий аромат. Рядом лежали тонкие лепёшки, ещё тёплые, с хрустящей корочкой, политые чем-то тягучим, похожим на мёд, но с прикусом лесных трав. В отдельной плошке томилось мясо – мягкое, пряное, распадающееся на волокна, приправленное незнакомыми, но удивительно душистыми специями.

Ольга ела медленно, наслаждаясь новыми вкусами. Всё было незнакомым, но удивительно вкусным. Поглощая пищу, она тайком разглядывала комнату дальше.

В углу она заметила бельевой шкаф, высокий, двустворчатый, из светлого, чуть желтоватого дерева, с искусной резьбой: по створкам вились змеи, те самые, что она увидела на заколках Эрика и Тристана. Те же гибкие тела, та же чешуя, переданная с такой точностью, что казалось, вот-вот они оживут и скользнут по дереву. Ручки были выполнены в

виде змеиных голов – серебряные, с маленькими зелёными камнями вместо глаз, и в полумраке комнаты они поблёскивали, как живые.

Конечно, на привычный шифоньер из её земной квартиры он не походил ни капли. Тот был лёгкий, современный, из ДСП, с зеркальными дверцами, безликий, как и всё в той прошлой жизни. А этот... этот был настоящим. Массивным, добротным, стоящим здесь не одно десятилетие. Древесина, из которой он был сделан, хранила тепло человеческих рук, помнила прикосновения тех, кто открывал эти створки до неё.

Она всё это незаметно осматривала, прислушиваясь к тому, о чём говорила её семья. Теперь уже именно её семья. Приятное тепло разлилось по телу – у неё там, на Земле, не было такой семьи. Не было этого простого, такого родного уюта. И от этого чувства ей стало очень хорошо.

– Ты какая-то тихая, – вдруг заметила Зефира, заглядывая ей в глаза. – Что с тобой?

– Сама не знаю, – честно призналась Оля.

– Ты слышала, Линга? – спросил Эрик, отрываясь от еды. – Твоя мать говорит, что в восточной долине скоро будет ярмарка. Надо бы съездить, заготовиться травами да тканями.

– Я съезжу, – вызвался Тристан, расправляя плечи. – Мне всё равно надо проверить ту тропу, что мы на прошлой неделе расчищали. Дороги размыло, надо укрепить.

– А я поеду с тобой! – тут же подхватила Зефира, и её

глаза загорелись. – Я давно хотела посмотреть, какие травы привозят купцы. Может, найду что-то новое, чего у нас нет.

– Хорошо, – усмехнулся Тристан, – если мама разрешит. Мелинда покачала головой, но в глазах её было тепло.

– Поезжай, – сказала она. – Только будь осторожна. И слушайся брата.

Зефира фыркнула.

Ольга смотрела на них, и сердце её наполнялось тихой, неожиданной радостью. Это была обычная семейная жизнь. Разговоры о ярмарке, о дорогах, о травах. О том кто поедет, кто останется. Ничего особенного. Ничего героического. Просто жизнь. Простая, тёплая, настоящая. Та, которой у неё никогда не было.

Она опустила глаза в тарелку, чтобы никто не заметил её внезапного волнения. Но внутри разливалось тепло, которое трудно было удержать.

– Ты правда какая-то молчаливая сегодня, – заметила Мелинда, откладывая ложку. – Что-то стряслось?

– Нет, всё как обычно, – ответила Ольга, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Я, наверно, сильно расслабилась на шее у Мрика.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. Мелинда смотрела на неё с лёгким беспокойством, и Ольга почувствовала, что нужно как-то разрядить обстановку. Она засмеялась – как могла, чуть громче, чем следовало.

– Пойду я спать. Спасибо за такой вкусный ужин, мамоч-

ка.

Она поднялась из-за стола и тут же поймала на себе удивлённый взгляд матери. Видно, она переборщила. Линга, возможно, никогда так не говорила. Или говорила, но не с такой интонацией, не с такой теплотой, которая прозвучала в её голосе.

– Давай, спокойной ночи, – произнесла Мелинда вслед удаляющейся Ольге.

Ольга вышла из общей комнаты, чувствуя спиной взгляд матери. Она ошиблась. Слишком быстро расслабилась. Нужно быть осторожнее. Нужно помнить, что она здесь пока чужая.

Глава 4. Тетрадь Линги

Оля сделала несколько шагов дальше, в другую комнату, и поняла сразу, что это комната Линги. Здесь всё было проще, чем в общей зале, но чувствовалось та же рука, та же забота о деталях. В простенке между двумя круглыми окнами, выходящими на южную сторону, стоял комод из того же светлого дерева, что и шкаф, – с резными ножками, с ящиками, ручки которых были выточены в виде свернувшихся змеёнышей. Над комодом висело зеркало.

Небольшое, в простой деревянной раме, на стене висело настоящее зеркало – единственное в этой комнате, что могло показать ей, кто она теперь. Там, в озере, она мельком увидела своё отражение, но зеркало – это совсем другое. В

нѐм нельзя спрятаться, нельзя отвести взгляд, нельзя сделать вид, что тебе показалось.

Оля медленно подошла к нему, чувствуя, как сердце начинает колотиться где-то в горле. Каждый шаг давался с трудом, но она заставляла себя идти, заставляла себя смотреть.

Она подняла глаза и встретила взглядом с отражением.

На неё смотрела **чужая женщина**.

Высокие скулы, тёмные глаза с хищным, чуть раскосым разрезом, губы – полные, но твёрдо сжатые. Смуглая кожа – такой загар мог у неё появиться только после долгих, упорных дней, проведённых под солнцем на побережье Чёрного моря.

Оля подняла руку – женщина в зеркале повторила движе-

ние. Коснулась щеки – отражение коснулось тоже.

– Боже... – прошептала она.

Она никогда не была красавицей на Земле. Симпатичной, да. Привлекательной. Но здесь... здесь было другое. Дикая, опасная, притягательная красота. Красота воина, хищницы, той, кто привыкла сражаться.

– Кто ты? – спросила она у отражения.

Оля стояла так долго, вглядываясь в незнакомое лицо, пытаясь найти в нём хоть что-то от себя прежней. Серые глаза стали карими. Русые волосы – тёмными, почти чёрными. Привычная мягкость линий исчезла, уступив место чётким, острым чертам.

Она не узнавала себя.

И в то же время – странное дело – это лицо начинало ей нравиться.

– Ладно, – сказала она, наконец, своему отражению. – Будем знакомы.

Она оторвалась от зеркала и почувствовала – её тянет открыть комод.

Она открыла ящик, и взгляд сразу упал на тонкую тетрадь в кожаном переплёте. Она лежала ровно в центре, словно нарочно положенная так, чтобы сразу броситься в глаза. Оля протянула руку. Пальцы коснулись гладкой обложки – и по коже побежали мурашки.

Она поняла это не разумом – кожей, каждой клеточкой чужого тела: Линга оставила это для неё. Здесь было что-то

важное. Что-то, что она должна была узнать.

Дрожащими руками Оля открыла её. Почерк был женским, аккуратным, но торопливым – словно писавший боялся не успеть. И самое главное то, что Оля понимала то, что там написано.

«Если ты это читаешь, значит, всё получилось. И значит – прости меня.

Меня зовут Линга. И теперь я – это ты на Земле. А ты – это я на Проктуре.

Я всё сделала так, что ты никогда не вернёшься на Землю, а я никогда не вернусь на Проктуру. Я несколько раз проходила через портал на Землю и искала подходящее для себя тело. Я наблюдала за разными людьми, изучала их, ждала. И, вот когда я уже потеряла надежду, увидела тебя. Я стала наблюдать за тобой. И вот представился момент заманить тебя к portalу.

Ты сидела в кафе, пила кофе и смотрела на бумагу со штампом. В твоих глазах была боль. Ты только что разорвала старую жизнь. Я узнала, что ты развелась с мужем и осталась совсем одна. Мне всё это подходило.

Прости, но я навсегда закрыла тот портал. Я сделала это специально, чтобы ты не смогла вернуться. И теперь даже если ты используешь другой портал, чтобы попытаться вернуться на Землю, ты останешься в моём теле. Мы не сможем поменяться обратно. Никогда!!!

Ты, наверное, злишься. Имеешь право. Но у меня не было

выбора. Я должна была бежать. Дроган преследует меня, а Кассиан нравился мне, но я боюсь за его жизнь, если Дроган узнает, что Кассиан мне нравится».

Оля перевернула страницу. Дальше шло подробное описание – всё, что нужно знать о жизни Линги, о семье, о традициях. И о Дрогане. Заголовок гласил:

«Дроган. Всё, что нужно знать».

«Я должна рассказать тебе, как всё началось. Чтобы ты понимала, с кем имеешь дело.

Дроган – повелитель клана драконов. Да, ты не ослышалась. На севере Проктуры, за Серебряными горами, живут те, кто умеет обращаться в драконов. Дроган – один из сильнейших. Его клан богат, воины преданы ему до гроба, а сам он... он чудовище. Красивый, умный, опасный монстр, который вызывал у меня отвращение. Увидишь его в истинной форме – поймёшь.

Год назад наши общины враждовали из-за земель. Отец пытался договориться миром, но Дроган хотел войны, такова натура этих чудовищ. Он напал на наши поселения, сжигал урожай, угонял скот.

Я знала, что Дроган самоуверен до безумия. Он считает себя непобедимым. И я сыграла на этом. Я притворилась, что якобы он мне нравится, и я хочу выйти за него замуж. Я пришла в его лагерь, который он разбил недалеко от нашего поселения, опустив оружие, с опущенными глазами –

покорная, беззащитная, такая влюблённая дуручка. Ха-ха-ха.

Он купился. Представляешь? Купился!

Дроган принял меня, устроил пир в честь «невесты». Он поил меня своим лучшим вином и рассказывал о своих планах. Как мы будем вместе растить наших драконят (меня аж передёрнуло от этой мысли, но я улыбалась). Я слушала, кивала, улыбалась – и ждала.

Когда все уснули, я действовала. Усыпляющее зелье – спасибо тётушке Мире – подлила в общий котёл ещё днём. К середине ночи весь лагерь спал мёртвым сном. И Дроган – мой драгоценный «жених», ха-ха-ха – тоже.

Я надела на него магический ошейник, блокирующий силу, и вывезла в наш посёлок. Мне помог мой друг Мрик – я думаю, ты уже знаешь, кто это.

Очнулся он уже в нашей темнице, полностью скованный нашими магическими цепями, которые без своей внутренней силы ему не разорвать.

Ты бы видела его лицо, Оля! Этот великий воин, глава драконов, смотрел на меня сквозь решётку с такой ненавистью, что воздух вокруг, казалось, плавился.

– Ты... – прошипел он. – Ты обманула меня.

– Обидно? – спросила я. – В следующий раз не будь таким доверчивым.

Он рвал цепи, бился о стены, рычал, обещал убить меня медленно. А я... я просто смотрела на него и чувствовала

ла странное удовлетворение. Гордость. Я обманула самого сильного воина!

Я продержала его в плену три дня.

Старейшины требовал казни. Отец не знал, как правильно поступить. А я и не собиралась его долго держать. Я знала: если мы убьём его, то нас его клан просто уничтожит огнём. А так... я показала ему, что мы не хотим войны.

Я открыла темницу, и подошла к нему близко-близко. Он сидел в углу, грязный, злой, но глаза его горели всё так же ярко.

– Я отпускаю тебя, Дроган, – сказала я. – Мы не хотим войны. Я просто хотела тебя проучить.

Я сняла с него сначала наши цепи и потом уже магический ошейник.

Он встал. Медленно. Подошёл ко мне. Так близко, что я чувствовала его дыхание. Я испугалась, а не зря ли я его отпустила? Но теперь было уже поздно, я не смогу снова одеть на него магический ошейник.

– Хорошо, войны большие не будет, – сказал он тихо. – Ты сказала, что хочешь за меня замуж. – Он усмехнулся – жутко, зловеще. – Я вернусь за тобой, готовься к свадьбе.

Я отшатнулась. А он вышел из темницы, обратился в дракона, пролетел надо мной – огромный, чёрный, страшный – и улетел. Наша темница находится далеко от посёлка, поэтому никто не видел, что я отпустила его.

Но его слова засели у меня в голове.

С тех пор он не нападал. Не мстил. Не требовал войны. Он присылал подарки – охотничьих птиц, драгоценности, оружие. Я всё возвращала.

Он требовал взять меня в жёны.

Отец был в шоке. Я – в ужасе.

И тогда я решилась. Я давно знала, что есть портал между нашими мирами, и решила воспользоваться им. Поменяться телами с кем-нибудь. Наши тела не приспособлены к атмосфере чужих планет – я не могла долго находиться на Земле в своём теле, поэтому приняла единственно верное решение: найти тело и переселиться в него навсегда.

Так что теперь ты знаешь всё, Оля. Берегись его. Он умён, очень красив и опасен. И он хочет, чтобы я стала его женой. Но теперь я в твоём теле, а ты в моём. Значит, это тебе придётся иметь с ним дело.

Прости меня ещё раз.

Линга».

Оля оторвалась от текста. Руки дрожали так сильно, что пришлось положить тетрадь, чтобы не выронить её.

– Вот это да... – выдохнула она. – Во что меня эта Линга втянула.

Она закрыла лицо ладонями. В голове не укладывалось: эта девушка, чьё тело она теперь носила, в одиночку пробралась в лагерь врага, опоила его армию, захватила самого главу драконов и держала его в плену.

– Представляю, как он был унижен. И Дроган вместо того,

чтобы возненавидеть её... что? Влюбился? Или просто это задето? Или и то и другое? – спросила она сама себя.

Она перечитала последние строки:

«Он умён, очень красив и опасен. И он хочет, чтобы я стала его женой».

– Но я – не ты, – прошептала Оля. – И я не собираюсь быть чьей-то.

Она отложила тетрадь и посмотрела в окно. Две луны уже поднялись высоко, заливая комнату серебристым светом. Где-то там, за горизонтом, за Серебряными горами, был клан драконов. И там жил мужчина, который считает, что Линга – его невеста. Дракон, который хочет сделать её своей женой.

– Чёрт бы тебя побрал, Дроган, – сказала Оля в пустоту. – Я-то здесь при чём?

Она перевернула ещё несколько страниц. В конце тетрадки была приписка, сделанная другим почерком – более торопливым, словно Линга писала уже на бегу, оглядываясь через плечо:

«P.S. Кассиан... Когда встретишь его, знай: я, возможно, любила его. А он – точно. Но я не могла остаться. Не могла смотреть в его глаза, зная, что Дроган сделает с ним, если узнает, что Кассиан мне нравится. Прости, что всё это я скинула на тебя».

Оля закрыла тетрадку и долго сидела неподвижно, глядя на пляшущие тени от свечи.

– Замечательно, – выдохнула она наконец.

Оля спрятала тетрадь за пазуху, ближе к телу, словно это было самое ценное, что у неё теперь есть. Мысли путались, натыкались друг на друга, разбегались и снова сходились в один тугий узел.

Дроган. Дракон. Портал, закрытый навсегда. Кассиан, который любит Лингу и ждёт её. Родители, брат, сестра. И где-то там, на далёкой-далёкой Земле, Линга живёт ЕЁ жизнью. В ЕЁ квартире. С ЕЁ документами. С ЕЁ прошлым.

– Ладно, – сказала Оля вслух, и голос её прозвучал в тишине неожиданно твёрдо. – Буду как-то разбираться. И жить.

Она встала, подошла к шкафу. Открыла правую створку, где среди лёгких платьев заметила то, что искала, – длинную рубаху для сна из мягкой серебристо-серой ткани. Не лён, не хлопок – что-то другое, возможно из волокон ночных цветов, что распускаются только в свете двух лун. Ткань была невесомой, чуть прохладной на ощупь, но когда Оля натянула рубаху через голову, та сразу согрелась, словно впитала тепло тела.

Рубаха оказалась свободной, доходила до щиколоток, широкие рукава прикрывали ладони. По подолу и рукавам шла тонкая вышивка – те же узоры, что и на половиках в общей комнате: змеи, ромбы, спирали. Оля провела рукой по ткани – мягкая, живая, пахнущая травами и скорее всего ночным ветром.

Она вернулась к кровати, откинула покрывало. Под ним обнаружилось тонкое одеяло, набитое пухом местных птиц – лёгкое, но тёплое, и несколько подушек. Оля прижалась щекой к одной из них и почувствовала знакомый запах сухих трав – тех самых, что висели в прихожей. Мята, Melissa, очень похож запах как на Земле и ещё что-то сонное, успокаивающее.

Она забралась под одеяло, укрылась пледом с замысловатыми узорами – он был шероховатым, тяжёлым, но таким уютным, что хотелось зарыться в него с головой. Две луны заглядывали в окно, заливая комнату серебристым светом, и в этом свете узоры на пледе казались живыми, движущимися.

Оля закрыла глаза. Где-то вдалеке ухнула похоже ночная птица. Травы в подушке пахли сном и покоем.

Завтра начнётся новый день. Новая жизнь. Чужая жизнь.

Оля улыбнулась в темноту и провалилась в глубокий, спокойный сон.

Глава 5 . Чужая среди своих

Первая ночь в чужом доме, в чужом теле, в чужом мире прошла тревожно. Оля то проваливалась в глубокий сон без сновидений, то внезапно просыпалась, вглядываясь в темноту и пытаясь понять, где находится. Две луны за окном светили так ярко, что комната была залита серебристым светом, и тени от мебели казались причудливыми зверями.

Под утро она всё же уснула по-настоящему – и проснулась от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь.

– Линга! Вставай, соня! – звонкий голос Зефиры не терпел возражений. – Отец уже на тренировочной площадке! Ты проспала!

Оля подскочила как ошпаренная. Тренировки! Она совсем забыла, что в тетрадке Линга писала о ежедневных утренних тренировках с отцом.

– Сейчас! – крикнула она, лихорадочно соображая, во что переодеваться.

Она метнулась к шкафу, что стоял у окна, – такому же добротному, как в главной комнате, только чуть проще. Тот же светлый, чуть желтоватый лес, те же резные створки, но без змеиных узоров – видно, вещи попроще здесь хранили, вчера она не стала его рассматривать. Оля дёрнула за резную ручку, и створка с лёгким скрипом отворилась, явив взгляду аккуратно сложенные вещи.

Внутри пахло деревом и сухими травами – теми же, что висели в прихожей, только здесь этот запах был гуще, интимнее, словно впитался в каждую вещь за долгие годы.

Она распахнула левую створку. На полках лежала боевая одежда. Похожая на ту, что была на ней вчера, только более удобная, без лишних украшений: кожаные штаны с мягкими вставками на коленях, рубаха из тонкой, но прочной ткани – не лён, а что-то другое, из волокон местных растений, мягкая и дышащая. Поверх – жилет с нашитыми металлически-

ми пластинами. Лёгкий, но надёжный – в такой и в бой идти не страшно, и в седле не жмёт. Всё ношеное, обжитое, но в хорошем состоянии – видно, что за вещами следили, берегли. Не богатство, а добротность – то, что ценится в походах и сражениях.

Оля задержала дыхание и открыла правую створку.

Там, на тонких деревянных плечиках, висели платья. Лёгкие, струящиеся, разных цветов – небесно-голубое, цвета утренней зари, тёмно-зелёное, как молодая листва, и несколько простых, светлых, на каждый день. Ткань была незнакомой – мягкой, чуть шероховатой, из волокон степных трав или древесной коры, но такой приятной на ощупь, что хотелось провести рукой. Кружево по вороту – женская половина жизни Линги, та, о которой Оля ещё ничего не знала. Пахло от них не травами – цветами, сухими лепестками, чем-то нежным и далёким.

Оля подошла к комоду, чтобы посмотреть на себя в зеркало, взгляд упал на тики – тонкие подвески для волос, что носят здесь женщины, – лежали на бархатистой ткани, переливаясь в утреннем свете. Разных форм и размеров: одни с прозрачными каплями, как у Мелинды, другие с цветными камнями – бирюзой, янтарём, даже с маленькими жемчужинами. Были здесь и заколки – серебряные, с узорами в виде змей и цветов, и простые деревянные гребни, и тесёмки, расшитые бисером. Всё аккуратно разложено.

Оля замерла, глядя на всё это. Вчера, когда она впервые

увидела себя в зеркале, она не заметила этих мелочей. Слишком велик был шок от чужого лица. А сегодня... сегодня она видела не просто чужую женщину. Она видела Лингу. Ту, чью жизнь теперь предстояло жить. С её платьями, с её украшениями, с её войной и её тайнами.

Пальцы сами потянулись к одной из заколок – серебряной змейке с зелёными глазами, похожей на ту, что носил Тристан, только меньше. Оля взяла её, покрутила в пальцах, чувствуя тепло металла.

Оля вздохнула, положила заколку на место и вспомнила, что её ждёт отец. Потом будет время разглядывать. Сейчас – тренировка, отец, новая жизнь.

Она кое-как собрала волосы в хвост, перехватила кожаным шнурком и выбежала на улицу, на ходу застёгивая последние пряжки на жилете.

За порогом уже ждала Зефира, сияя утренней свежестью и нетерпением.

На сестре было простое светлое платье, волосы уже заплетены в аккуратные косички, синяя капля тики мерцала на лбу.

– Быстрее! – поторопила она. – Отец не любит, когда опаздывают. И... – Зефира замялась, опуская глаза. – Там Касиан. Он тоже пришёл.

Сердце Оли ёкнуло, но совсем не так, как ожидала бы Линга. Скорее досада: только этого не хватало.

– Спасибо, маленькая, – Оля чмокнула сестру в щёку.

Пока они шли к тренировочной площадке, Ольга осматривалась вокруг. Женщины здесь одевались по-разному, и в этой пестроте угадывалось и их положение, и достаток, и, возможно, семейный статус. Одни носили простые, ткань чем-то похожа на лён, платья – белые, голубые или бежевые, длиной до середины икр, – подпоясанные тонкими шнурками. Другие, более нарядные, щеголяли в одеждах, расшитых по подолу замысловатыми узорами красными и синими нитями. Почти у всех волосы были заплетены в затейливые косы, а надо лбом поблёскивали тики – тонкие подвески, спускающиеся на лоб то прозрачной каплей, то плоским кулоном. На ногах – мягкие кожаные туфли, бесшумно ступающие по каменной мостовой.

Мужчины попадались реже – видимо, основная их часть была на тренировке или в полях. Те же, кто оказался на улице, носили из такой же ткани, похожей на лён, рубахи навыпуск, поверх – лёгкие кожаные жилеты, узкие штаны, заправленные в высокие сапоги. Почти у каждого на поясе висели ножи или небольшие топорики – оружие здесь было частью повседневности. У некоторых длинные волосы были стянуты в хвосты или перехвачены ремешками с тиснённым изображением змеи – Оля уже знала, что это символ их клана, знак принадлежности и гордости.

Дети носились стайками – чумазые, звонкие, счастливые. Мальчишки в штанах до колен и простых рубахах, девчонки в лёгких платьицах, с живыми цветами, вплетёнными в во-

лосы. Они играли в догонялки, прыгали через верёвочку, и их беззаботный смех разносился над поселением, делая этот фантастический мир удивительно тёплым и настоящим.

Не успела она пройти и пары десятков шагов, как из переулка, где располагалась кузница (оттуда доносился звон металла и жаркий запах углей), выскочили двое.

Рыжие, веснушчатые, одинаковые как две капли воды, молодые парни. На них были простые рубахи из местной травы, перепачканные сажей, кожаные фартуки поверх – явно кузнецы. Волосы торчали в разные стороны, а лица сияли неподдельной радостью.

– Линга! – заорали они хором.

Оля вздрогнула, но память услужливо подсказала: *Рон и Рин, близнецы, друзья детства, кузнецы.*

– Доброе утро! – поздоровался один, кажется, Рон.

– Тесак давай поправим! Бесплатно! – добавил второй, Рин, сияя веснушчатой улыбкой. – У нас новый уголь, жарче прежнего!

Оля растерянно улыбнулась в ответ.

Из соседнего дома вышла женщина.

Пожилая, сухонькая, но с удивительно живыми глазами. На ней была длинная юбка тёмно-синего цвета, серая рубаха с длинными рукавами и поверх – расшитый передник, сплошь покрытый магическими символами: круги, спирали, знаки, похожие на руны. Серые волосы были убраны под широкую тилку, покрывавшую почти всю голову, так что откры-

тым оставалось только морщинистое лицо с острым, пронизывающим взглядом.

На шее у неё висели несколько мешочков на кожаных шнурках – с травами, амулетами, кто знает, чем ещё. В руках – пучок сухих растений, от которых исходил пряный, чуть горьковатый аромат.

– А ну брысь отсюда! – прикрикнула она на близнецов голосом, не терпящим возражений. – Не даёте человеку пройти.

Братья, ничуть не обидевшись, тут же испарились – только пятки засверкали.

Женщина подошла ближе. Оля заметила, как цепко, похозяйски та оглядывает её с головы до ног.

– Доброе утро, тётушка Мира, – вежливо пропела Земфира, – мы торопимся на тренировочную площадку, отец ждёт.

– Тетушка Мира, – выдохнула Оля, и имя пришло само собой, всплыло из глубин чужой памяти.

– Ничего, успеете, – ответила та Земфире. – Хм, – Мира вгляделась в лицо Линги. – Бледная ты какая-то, девочка. Ауру мне свою покажи-ка.

– Что? – растерялась Оля.

– Ауру, говорю, покажи. – Мира нетерпеливо протянула руку. – Давай сюда ладонь.

Оля послушно протянула руку. Мира схватила её за запястье – пальцы у неё были прохладные, но сильные, – закрыла глаза и замерла.

Прошла минута. Другая.

Оля стояла ни жива ни мертва. Сердце колотилось где-то в горле.

Мира открыла глаза и посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом. В нём читалось что-то странное – смесь удивле-

ния, понимания и... предостережения?

– Хм, – повторила она. – Ладно, потом зайди ко мне. Идите.

Площадка находилась на окраине поселения, прямо у подножия невысокого холма. Место было ровным, утрамбованным, с несколькими деревянными манекенами для отработки ударов и стойками с оружием.

Здесь уже собралось несколько воинов. Они разминались, перебрасывались шутками, пробовали оружие. Эрик стоял в центре, скрестив руки на груди, и отдавал распоряжения короткими, властными фразами.

Оля замерла на мгновение, разглядывая его. При дневном свете отец Линги выглядел ещё внушительнее: широкие плечи, прямая спина, седина на висках, блестящая на солнце. Золотая змея в волосах переливалась, приковывая взгляд.

Увидев запыхавшуюся Олю, Земфира заставила её бежать, Эрик поднял бровь:

– Линга. Рад, что ты почтила нас своим присутствием.

В его голосе не было злости, только лёгкая ирония. Оля выдохнула:

– Прости, отец. Я... проспала.

Эрик хмыкнул, но в глазах его мелькнула усмешка:

– Бывает. Разминайся и в строй.

Оля облегчённо выдохнула и встала в ряд с остальными. И тут же почувствовала на себе взгляд. Тяжёлый, тёплый,

полный надежды.

Кассиан стоял в трёх метрах слева и смотрел на неё. Не отрываясь. Словно боялся, что она снова исчезнет.

Высокий, привлекательный, мускулистый. Русые волосы длиннее плеч, небрежно перехвачены кожаным шнурком.

Одежда простая, но добротная: светлая льняная (она не знала как называется эта ткань, но было очень похоже на лён) рубаша, тёмный жилет, узкие штаны, заправленные в сапоги. На поясе – меч, но не парадный, а боевой, с потёртой рукоятью.

Карие глаза с золотистыми искорками смотрели на неё с такой смесью боли, надежды и нежности, что у Оли перехватило дыхание. В памяти всплыли тёплые воспоминания, не принадлежащие ей: поцелуи под двумя лунами, его смех, его руки, его шёпот: *«Я никому тебя не отдам»*.

Оля отвернулась, делая вид, что сосредоточена на разминке. Сердце билось ровно, спокойно. Никакого трепета. Только лёгкое раздражение и вина.

«Не смотри на меня так, – подумала она. – Я не она».

Тренировка оказалась настоящим испытанием.

Тело Линги знало все движения, все удары, все стойки – оно жило своей жизнью, реагировало быстрее, чем сознание Оли. Но сознание... сознание не успевало. Оно путалось в командах, запаздывало, ошибалась.

Несколько раз Оля чуть не пропустила блок. Один раз споткнулась на выпаде – тело дёрнулось, но не вовремя. Эрик хмурился, но молчал. Только взгляд его становился всё тяжелее.

В перерыве, когда воины разошлись попить воды из большой деревянной бадьи, к ней подошёл Тристан.

– Ты сегодня как новичок, сестра, – тихо сказал он, вгля-

дываясь в её лицо. Серебряная змея в его волосах блеснула на солнце. – Что с тобой?

– Не знаю, – отмахнулась Оля, вытирая пот со лба.

– Тревожишься ты. – Тристан нахмурился. – О Дрогане думаешь?

Тристан покачал головой, положил руку ей на плечо – тяжёлую, тёплую, братскую.

– Не бойся, тебя никто не отдаст, если ты не хочешь. Ты же знаешь это?

Оля почувствовала острый укол совести. Он искренне заботится о сестре. Переживает, волнуется, готов защитить. А она – самозванка, занявшая чужое место.

– Знаю, брат, – тихо сказала она, и в голосе её была настоящая благодарность.

После тренировки, когда все стали расходиться, Кассиан догнал её.

– Линга, постой.

Оля замерла, но не обернулась. Спина напряглась, плечи поднялись.

– Нам нужно поговорить, – его голос звучал мягко, но настойчиво. – Я не понимаю, что происходит. Почему ты смотришь на меня так, будто видишь впервые?

Оля медленно повернулась.

Кассиан стоял близко – слишком близко. Она видела каждую чёрточку его лица: острые скулы, родинку над губой, золотистые искорки в карих глазах. Видела, как дрогнули его

ресницы, как напряглись губы.

Он ждал. Надеялся.

– Я... – Оля сглотнула, подбирая слова. – Я не могу тебе объяснить, Кассиан. Не сейчас. – Как же сказать ему, что он ей не нравится.

– А когда?

– Позже, немного позже.

Кассиан молчал долгую минуту, потом кивнул:

– Хорошо. Я подожду.

Он развернулся и ушёл, оставив Олю стоять посреди площадки. Она поняла, что к нему у неё нет никаких чувств. Он был красив – Оля видела это. Но сердце её молчало. Она стояла посреди площадки, глядя ему вслед, и чувствовала только усталость и облегчение.

«Линга, – подумала она. – Как ты могла оставить такого? Он же любит тебя. По-настоящему. А я... я даже не могу сделать вид».

Домой она вернулась уставшая, но довольная, что тренировка, хоть и с трудом, но прошла. Никто, кажется, не заподозрил подмены.

В доме пахло едой. На кухне хлопотала Мелинда, а Зефира помогала ей накрывать на стол. Мать что-то напевала, помешивая в котле, и от этого напева веяло таким домашним уютom, что у Оли защемило сердце.

– Садись, дочка, – улыбнулась Мелинда, указывая на лавку. – Тяжёлое утро было?

– Нормально, – Оля опустилась на мягкую подушку, покрытую вышитой тканью. – Отец, кажется, недоволен.

– Отец всегда недоволен, – фыркнула Зефира, расставляя миски. – Это его работа – быть недовольным, – девушка рассмеялась.

Оля улыбнулась в ответ. Как же это было похоже на обычную земную семью! Мать ворчит, отец строг, младшая сестра всех мирит.

Завтрак состоял из каких-то местных блюд: каша из жёлтого зерна с орехами, лепёшки, пахнущие мёдом, травяной чай. Оля ела осторожно, пробуя и запоминая вкусы.

– Ты какая-то задумчивая, – заметила Мелинда, присаживаясь рядом. – Всё хорошо?

– Да, мам. Просто... много мыслей.

Мелинда кивнула, но в глазах её мелькнула тень беспокойства. Она посмотрела на дочь долгим, изучающим взглядом – тем самым, от которого Оле становилось не по себе.

– Ты точно хорошо себя чувствуешь? – Мелинда села рядом и прижала дочь к себе, нежно погладив ей волосы. – Может, сходить к Мире? Пусть посмотрит.

– Нет-нет, – поспешно сказала Оля. Она прижалась к тёплой груди матери, пусть и чужой, но это было так приятно. – Всё хорошо. Правда.

Мелинда вздохнула, но настаивать не стала.

После завтрака, когда Зефира убежала по своим делам,

а Мелинда занялась хозяйством, Оля ушла в свою комнату. Нужно было попробовать то, о чём писала Линга в тетрадке – управление огнём.

Она села на пол, скрестив ноги, закрыла глаза и сосредоточилась. Вспомнила, как вчера огонь вспыхнул сам собой, повинувшись эмоциям. Теперь нужно было научиться вызывать его осознанно.

Она представила тепло в груди – маленький огонёк, пульсирующий в такт сердцу. Направила его по руке, почувствовала, как покалывает ладонь. Открыла глаза, протянула руку...

Ничего.

– Давай, – прошептала она. – Ты сможешь.

Ещё попытка. Снова пусто.

Оля начала злиться. На себя, на Лингу, на всю эту ситуацию. Её заперли в чужом мире, в чужом теле, наградили магией, которой она не умеет пользоваться, и оставили разбираться с проблемами, которые её не касаются.

– Чёрт! – выдохнула она.

И вдруг – вспышка.

Синее пламя вырвалось из ладони, осветив комнату призрачным светом. Оно было холодным на вид, но тёплым на ощупь – странное, неземное чувство.

– Да! – засмеялась Оля. – Получилось!

Пламя переливалось, пульсировало в такт сердцебиению. Оля попробовала уменьшить его – получилось. Увеличить –

огонь взметнулся выше. Она хотела швырнуть его в пустой угол, но в последний момент передумала и погасила.

– Я маг, – улыбнулась она, чувствуя, как внутри разливается гордость.

В дверь постучали.

Оля вскочила, отряхивая колени, и открыла. На пороге стояла тётушка Мира с большой корзиной, полной пучков трав и баночек.

– Я же сказала – зайди ко мне после тренировки, – буркнула старушка, протискиваясь в комнату. – А ну давай, показывай, чему научилась.

Мира оглядела комнату цепким взглядом, втянула носом воздух, заметила лёгкий запах гари и удовлетворённо хмыкнула.

– Пробуешь? Хорошо. – Она поставила корзину на стол и повернулась к Оле. – Показывай.

Оля специально не пошла к ней. Боялась, что Мира что-то поняла. Но теперь деваться было некуда. Она протянула руку, сосредоточилась. На этот раз пламя вспыхнуло почти сразу – яркое, синее, красивое.

Мира кивнула:

– Неплохо. Линга этим даром почти не пользовалась. Не любила. А у тебя, гляжу, получается.

– Я стараюсь, – скромно сказала Оля и, помедлив, добавила: – Вы... вы поняли, что я не Линга?

Мира усмехнулась, но не зло, скорее устало:

– А то не видно. Аура у тебя другая – чужая, нездешняя.

Я это сразу поняла, как только ты руку мне протянула сегодня. – Она подняла ладонь, останавливая готовые сорваться слова Оли. – Молчи. Я не враг. Если Линга решила так поступить – значит, были причины. Она девушка умная, хоть и отчаянная.

Старушка вздохнула и присела на лавку возле окна, жестом приглашая Олю сесть рядом.

– Рассказывай.

– Она в моём мире, – тихо сказала Оля, опускаясь рядом.

– В моём теле. Раз я здесь, в её... значит, она там.

Мира кивнула, и морщины на её лице чуть разгладились:

– Я так и думала. – Она помолчала, глядя куда-то в сторону. – Что сделано, то сделано. Теперь ты здесь. И тебе придётся жить её жизнь.

– Я не знаю как, – призналась Оля, и в голосе её проскользнула мольба. – Я ничего не знаю о её жизни. Обычай, традиции, кто есть кто... Я боюсь ошибиться. Боюсь, что меня раскроют.

Мира смотрела на неё долго, изучающе. Потом кивнула:

– Я помогу тебе. Правду знаем только мы с тобой. Никому больше.

Она прищурилась, и взгляд её стал острым, как лезвие:

– Ни родителям, ни брату, ни сестре, ни тем более Кассиану. Поняла?

– Поняла. Конечно, поняла.

– И Дрогану – тоже, если встретишь его. – Мира помолчала. – Не знаю, как он отреагирует, если узнает. Лучше не рисковать.

Оля сглотнула:

– Хорошо.

– У тебя всё получится. – Мира встала, подняла корзину и направилась к выходу. – Приходи ко мне, если понадобится.

– Спасибо, тётушка Мира, – искренне сказала Оля. – Вы даже не представляете, как мне... как мне страшно.

– Знаю, детка. – Мира на миг коснулась её щеки сухой, тёплой ладонью. – Но ничего. Справимся.

И уже на пороге обернулась:

– И вот ещё что. Насчёт Кассиана. Он Лингу любил. Очень. А ты как к нему?

Оля честно ответила, глядя прямо в глаза старушке:

– Никак. Он чужой мне. И я не знаю, что ему сказать. Не могу же я притворяться.

Мира кивнула, и в глазах её мелькнуло что-то похожее на одобрение:

– Хорошо. Честно. А то некоторые тут глаза строят, а потом сами не знают, чего хотят.

Она помолчала, словно решаясь, и добавила:

– А Дрогана ты ещё не видела. – Мира вздохнула. – Но как увидишь, ты уж сама решай, как к нему относиться. Только помни: он опасен. Но в нём правды больше, чем во многих

здешних. И если уж он на тебя запал, то даже не знаю, пере-
думает ли он.

Она ушла, притворив за собой дверь. А Оля долго сидела,
чувствуя, как внутри всё дрожит.

Мира знает её тайну, она будет помогать ей. И Дроган. Ей
стало интересно, какой он.

Часть вторая. ВЫЗОВ ДРАКОНУ.

Глава 6 Новая жизнь

Утром, когда Ольга спустилась к завтраку, Эрик отложил
ложку и сказал:

– Сегодня ярмарка в восточной долине. Тристан, Зефира
и ты поезжайте. Линга, тебе надо развеяться.

Ольга удивлённо подняла бровь. Развеяться? Она и так
чувствовала себя так, словно только что вышла из долгого,
тяжёлого сна. Но возражать не стала. Ей было любопытно
увидеть этот мир не только через тренировки и семейные
ужины, но и через праздник, торговлю, шумные толпы.

– А ты, отец? – спросила Зефира.

– У меня дела, – ответил Эрик, и в его голосе послышалась
лёгкая усмешка.

Мелинда улыбнулась и принялась собирать дорожную
сумку: лепёшки, сыр, кувшин с водой, вяленое мясо.

– Держитесь вместе, – наставляла она. – Смотрите, чтобы
Зефира не потерялась.

– Мама, – возмутилась девушка, – я уже взрослая!

– Взрослая, – согласилась Мелинда. – Но всё равно слушайся брата.

Тристан усмехнулся и потрепал сестру по голове. Та возмущённо отмахнулась, но в глазах её плясали весёлые искорки.

Ольга смотрела на эту сцену и чувствовала, как внутри разливается тепло. У неё никогда не было таких простых, тёплых семейных разговоров. Никто не собирал её в дорогу еду, не наказывал держаться вместе, не смотрел с такой любовью. Она улыбнулась и взяла свою сумку.

– Я готова.

Дорога до восточной долины заняла около часа. Они ехали верхом на кортунах – Тристан впереди, Ольга и Зефира следом. Ветер свистел в ушах, трепал волосы, два солнца светили ярко, заливая всё вокруг золотистым светом. Долина открывалась перед ними всё шире, пока наконец не показались первые торговые шатры – пёстрые, разноцветные, словно выросшие из земли за одну ночь.

Ярмарка была шумной, многолюдной, пахнувшей мёдом, жареным мясом и травами. Люди в нарядных одеждах бродили между рядами, торгуясь, смеясь, пробуя угощения. Дети бегали меж ног взрослых, таская за собой воздушные шары из тонкой кожи. Где-то играла музыка – негромкая, тягучая, с переливами струн и звоном бубнов.

– Тристан, смотри, какие ткани! – воскликнула Зефира, дёргая брата за рукав.

– Успеешь, – ответил он, но глаза его уже блестели.

Ольга шла следом, впитывая всё – краски, звуки, запахи. Всё здесь было непривычным, но в этой непривычности была своя прелесть.

– Линга, смотри! – Зефира подбежала к лавке, где продавались украшения. – Какие тики! Синие, зелёные, с прозрачными камнями!

Ольга подошла, провела пальцами по тонким подвескам. Одна из них – глубокого синего цвета, похожая на ту, что носила Зефира.

– Возьми, – сказал Тристан, протягивая продавцу монеты.

– Тристан, не надо... – начала Ольга, но он уже сунул ей в руку тикю.

Она замялась. Внутри шевельнулось что-то неловкое – она всё ещё чувствовала себя мошенницей, которая забрала чужого брата. Чужую жизнь. Чужую семью.

– Почему не надо? – удивился Тристан.

Ольга посмотрела на подвеску, потом на него.

– Спасибо, – сказала она, и голос её дрогнул. Она поняла, что повела себя не так, как вела бы себя Линга. Линга не стала бы отказываться.

Тристан кивнул и отвернулся, разглядывая кинжалы в соседней лавке.

Позже они ели жареное мясо, запивая его травяным чаем из глиняных кружек. Сидели на траве, в тени огромного дерева, и смотрели, как торговцы сворачивают шатры, а дети

догоняют друг друга.

– Мне так нравятся ярмарки, – воскликнула Зефира, откидываясь на спину и глядя в небо.

– Ещё бы, – улыбнулась Ольга, кивнув на ворох свёртков, лежащих рядом. Она видела, сколько всего ей накупил Тристан – ткани, украшения, сладости. Он не скупился, словно хотел наверстать всё, чего она, по его мнению, была лишена.

Два солнца клонились к закату, окрашивая небо в розовые и золотистые тона. Ольга смотрела на них и думала о том, что этот мир постепенно перестаёт быть чужим. Эти люди – её семья. Этот праздник – её праздник.

Тристан сидел рядом и молчал. Но его молчание было не тяжёлым, а спокойным, тёплым – таким, какое бывает между теми, кто не нуждается в словах.

– Пора возвращаться, – сказал он, наконец. – Все довольны покупками?

– Я да, – ответила Ольга и посмотрела на Зефиру.

– Я тоже, – улыбнулась та. – Хотя можно было ещё купить чего-нибудь.

Зефира хитро прищурилась, и все поняли – она шутит.

– Да у нас на троих кортунах только твои покупки, – засмеялся Тристан. – Надо ещё одно животное было брать. Не знаю, куда мы теперь сядем.

Они весело рассмеялись – звонко, свободно, без тени тревоги. Ольга смеялась вместе с ними, и в этом смехе было что-то такое, чего она не чувствовала очень давно. Лёгкость.

Покой. Обычное человеческое счастье.

Они собрали вещи, погрузили покупки на кортунов и отправились в обратный путь. Солнце уже садилось, и дорога была залита мягким, тёплым светом. Ольга ехала, глядя на брата и сестру, и думала о том, что отец оказался прав. Ей нужно было развеяться. Нужно было вспомнить, что жизнь состоит не только из тревог и опасностей, но и из таких простых, тёплых моментов. Она улыбнулась и пришпорила своего кортуна, догоняя Зефиру, которая уже начала что-то оживлённо рассказывать Тристану.

Домой они вернулись, когда на небе уже зажглись первые звёзды. Мелинда ждала их у калитки, и её лицо осветилось улыбкой, когда она увидела довольные, разрумившиеся лица детей.

– Ну как? – спросила она.

– Замечательно! – воскликнула Зефира, спрыгивая с кортуна. – Мама, ты бы видела, как там интересно!

Ольга слезла следом, взяла свою сумку и, проходя мимо Тристана, тихо сказала:

– Спасибо тебе.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, братское.

– Ты моя сестра, Линга. Ты всегда можешь рассчитывать на меня.

Ольга опустила глаза, чтобы он не заметил, как они защипали. Потом улыбнулась и пошла в дом, где пахло свежим

хлебом и травами, где её ждали ужин и тепло семейного очага.

Этот день помог ей отвлечься. И, может быть, впервые за долгое время она почувствовала, что этот мир действительно становится её домом.

Неделя пролетела как один день.

Оля просыпалась на рассвете – два солнца вставали почти одновременно, заливая комнату золотисто-розовым светом. Первым делом она подходила к зеркалу.

Каждое утро одно и то же. Чужая женщина в отражении, тёмные глаза, острые скулы. Каждое утро Оля привыкала заново.

– Доброе утро, – шептала она.

Отражение с каждым днём смотрело чуть мягче.

Тренировки с отцом давались всё легче и легче. Тело Линги было сильным, натренированным – оно жило своей жизнью, реагировало быстрее, чем сознание Оли. Но сознание... сознание не успевало. Оно путалось в командах, запаздывало, ошибалось.

– Твой стиль изменился, – заметил Эрик на третий день. Золотая змея в его волосах блеснула на солнце. – Раньше ты атаквала первой. Всегда. Смело, даже безрассудно. А теперь... ты ждёшь. Смотришь. Анализируешь.

– Я решила изменить свой стиль боя, – нашлась Оля.

Эрик кивнул, но в глазах его осталась тень сомнения. Он

смотрел на дочь долгим, изучающим взглядом – тем самым, от которого у Оли мурашки бежали по коже.

«Он что-то чувствует, – думала она. – Но не может понять что».

Они пришли завтракать, после тренировок.

– Линга, передай соль, – попросила Мелинда, помешивая варево в котле.

Оля протянула солонку, стараясь не встречаться взглядом с матерью. За эту неделю она заметила: Мелинда часто смотрит на неё с каким-то странным выражением. Словно пытается разгадать загадку.

– Ты сегодня опять мало ешь, – заметила женщина. – Раньше ты съедала в два раза больше после тренировок.

– Аппетита нет, – пожала плечами Оля.

Зефира, сидевшая напротив, хихикнула:

– Может, она влюбилась? Говорят, от любви аппетит пропадает!

Оля поперхнулась водой.

– С чего ты взяла?

– Ну... – Зефира загадочно улыбнулась, поправляя синюю каплю на лбу. – Кассиан вчера опять приходил к нашей калитке. Долго стоял, смотрел на твои окна. Я видела.

Тристан поднял голову от миски:

– Кассиан – хороший воин.

– Очень хороший! – сказала Зефира.

Оля смотрела на них, переживающих за неё, и чувствува-

ла тепло. У неё никогда не было брата и сестры.

После завтрака она вышла во двор, чтобы подышать свежим воздухом, и сразу увидела его.

Кассиан стоял у калитки. Прислонившись плечом к деревянному столбу, он смотрел на неё с той же смесью боли, надежды и нежности, что и в первый день.

– Линга, – тихо позвал он.

Оля вздохнула. Она знала, что этого разговора не избежать.

– Иду.

Они отошли к старому дереву, под сень зелёной листвы. Кассиан молчал, собираясь с мыслями. Оля ждала, чувствуя только лёгкую неловкость и желание, чтобы всё поскорее закончилось.

– Объясни мне, что происходит? – наконец спросил он.

– Прости, Кассиан, но я не люблю тебя, – Ольга решилась сказать правду.

Он нахмурился. Потом медленно кивнул.

– Ладно, – сказал он, и голос его дрогнул. – Конечно, я никак не ожидал такое услышать, заставлять не буду. Но и надеяться буду – может, ты когда-нибудь передумаешь.

Он ушёл, не оглядываясь. А Оля смотрела ему вслед и чувствовала только облегчение.

«Прости, – подумала она. – Я не та, кого ты любишь».

Линга пришла в дом тётушки Миры. Та позвала её помочь с травами. Оля согласилась с радостью – старушка была единственной, с кем можно было быть собой.

Дом Миры стоял на отшибе, окружённый густым садом, где росли самые разные растения – Оля уже знала, что многие из них лечебные, а некоторые смертельно ядовитые. Внутри пахло сушёными цветами, кореньями и ещё чем-то древним, магическим.

– Садись, – буркнула Мира, указывая на лавку у окна. – Вон те пучки перебери. Сухие листья отдельно, стебли отдельно.

Оля взялась за работу. Пальцы быстро привыкли к ловким движениям.

– Слышала, ты с Кассианом говорила, – не оборачиваясь, сказала старушка.

– Он приходил.

– И?

– Я сказала, что не люблю его. – Оля пожала плечами. – Он чужой мне.

Мира обернулась, вытирая руки о передник:

– Правильно сделала, – сказала Мира, – зачем давать ему надежду, если он тебе не нравится, – и продолжила, – лучше сразу сказать ему правду.

– Я тоже так подумала.

Ночью Оля сидела на кровати и смотрела на две луны за

окном. В руках была тетрадь Линги – она перечитывала её снова и снова.

Особенно те строки, где говорилось о Дрогане.

«Он красив, Оля, ты должна это знать, потому что это делает его ещё опаснее. Длинные каштановые волосы он собирает в хвост на затылке. Глаза карие, глубокие, такие, что кажется – видят тебя насквозь. Острые скулы, безупречные нос и рот. Высокий – почти сто девяносто сантиметров, под сто килограммов, и это сплошные мышцы, без грамма лишнего веса...»

Оля закрыла глаза и попыталась представить его. Высокий. Сильный. С длинными волосами, собранными в хвост. С глазами, которые, как писала Линга, видят насквозь.

Что ж это за Дроган такой? – подумала она. – Прямо хочу его увидеть. Что ж Линга так испугалась его?

Она перевернула страницу, надеясь найти ещё что-то, но дальше шли только сухие записи о кланах, о границах земель, о том, кто с кем дружит, а кто враждует. Ни слова о том, почему Линга так боялась. Ни слова больше о том, что за человек этот дракон, от которого она сбежала в другой мир. Опасен и всё.

Оля закрыла тетрадь, положила её на колени и откинулась на подушку. Две луны за окном светили ярко, заливая комнату серебристым светом. Она смотрела на них и думала.

Он где-то там. За горами. В своём замке. Сильный, опасный, красивый. Тот, кого Линга боялась. Тот, от кого она

сбежала, поменявшись с ней телами.

Оля взяла тетрадь, сунула её под подушку и легла. Закрывает глаза. Перед внутренним взором снова возник его образ – размытый, нечёткий, но от этого не менее волнующий.

Что ж ты за человек, Дроган? – подумала она уже засыпая.

Глава 7. Первая встреча с драконом

Она знала, что этот день настанет. И, если быть честной с самой собой, она сама хотела этой встречи.

На окраине поселения, на красивой поляне у леса, Оля сидела на траве рядом с Мриком. Кортун, пригревшись на солнце, лениво щипал траву, изредка поднимая голову и прислушиваясь к ветру. Она часто уходила из поселения – чтобы побыть наедине с мыслями, насладиться этой фантастической природой, а в глубине души надеялась, что Дроган узнает об этом и придёт. Ждала. Каждый раз ждала.

Два солнца клонились к закату, окрашивая небо в фиолетовые и розовые тона. Их свет уже не палил, а мягко золотил траву, придавая всему вокруг какой-то нереальный, сказочный оттенок. Вдруг Мрик напрягся и глухо зарычал.

– Что там, мальчик? – Оля положила ладонь ему на загривок и прислушалась.

Тишина. Слишком тихо. Даже птицы замолкли, потому что чувствовали опасность.

А потом из-за деревьев вышел он.

Дроган.

Оля замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

Высокий. Широкоплечий. Длинные каштановые волосы собраны в хвост на затылке. Тёмные глаза смотрели на неё в упор – глубокие, пронзительные, такие, что, казалось, видят насквозь. Острые скулы, безупречные губы, твёрдая линия подбородка.

Линга не преувеличивала. Он был красив. Опасно красив. В его лице, в его фигуре, в каждом движении чувствовалась та самая дикая, неукротимая сила, от которой кружилась голова.

И вдруг, сама не понимая почему, Оля поймала себя на мысли, что хочет увидеть его в истинном облике. Каков он, дракон, перед которым трепетали целые кланы? Каков он, когда не скрывает свою природу? Но просить? Нет. Не сейчас. Она знала: Линга называла его чудовищем и монстром. И если она сейчас спросит, захочет увидеть его драконью ипостась – это покажется подозрительным. Слишком подозрительным. Она же Линга. Она не должна хотеть того, от чего Линга содрогалась. Оля отвела взгляд. Но мысль о том, каков он, когда выпускает свою истинную сущность на волю, осталась.

– Линга, – его голос звучал низко и вкрадчиво, как мурлыканье довольного зверя. – А я уж думал, ты будешь прятаться от меня до скончания веков.

Оля поднялась с травы и встала между ним и кортуном. Тело Линги отозвалось на этого человека мгновенно и противоречиво: мышцы напряглись в древнем инстинкте само-

сохранения, но где-то внизу живота вспыхнул жар, от которого перехватило дыхание. Она не понимала этого чувства – оно пугало и притягивало одновременно, заставляя сердце биться где-то в горле. С Игорем у неё такого никогда не было.

– Я не прячусь, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Я просто не считаю, тебя достойным моего времени.

Брови Дрогана взлетели вверх. А затем он рассмеялся – громко, открыто, но в этом смехе не было веселья. Скорее, что-то хищное, торжествующее.

– Какая ты дерзкая. – Он сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между ними. – Но мне нравится.

Оля внутренне похолодела, но виду не подала. Только пальцы крепче сжали рукоять тесака.

– Чего ты хочешь? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Тебя, насколько я помню, ты обещала себя мне, – ответил он просто, словно это было самым естественным в мире. – Я хочу, чтобы именно ты стала матерью моих детей.

«Обещала, но не я», – подумала Ольга.

Оля выхватила тесак. Лезвие блеснуло в свете двух солнц. Сейчас она проверит, насколько пригодились ей тренировки с отцом.

– Ты хочешь сразиться со мной? – Он прищурился, и в его глазах мелькнул опасный огонёк

Он вытащил свой меч – длинный, тяжёлый, явно расчи-

танный на его силу. Первый же удар тесаком он отразил с лёгкостью, от чего Олю отбросило на пару шагов. Чёрт, он действительно силён. Тело Линги было тренированным, но Дроган превосходил её в физической мощи.

– Ты слабее, чем я думал, – разочарованно протянул он.
– Что ж, поиграли и хватит.

Он пошёл в наступление, и Оля поняла: в честном бою ей не выиграть. Дроган был быстрее, сильнее, опытнее – каждое его движение дышало вековой мощью его клана, его крови. Нужно было использовать хитрость— магию.

Она отступила, делая вид, что выдохлась, что силы покидают её, что ещё одно усилие – и она рухнет на траву. Дроган поверил, он ускорился, занося меч для решающего удара. Его глаза горели азартом, и в этом азарте было что-то первобытное, неукротимое – драконье.

И тогда Оля ударила огнём.

Синее пламя вырвалось из её ладони не шаром, не потоком – ослепительной, режущей вспышкой, которая ударила прямо в лицо Дрогану. Линга никогда бы не решилась на такое. Линга боялась дракона. Но Оля не была Лингой.

Дроган зажмурился, зарычал от неожиданности – низко, раскатисто, по-звериному, – на миг потеряв ориентацию. Этого мига хватило.

Оля рванула вперёд, уходя под его занесённую руку, и со всей силы ударила ногой под колено. Дроган рухнул на одно колено. Тесак описал дугу и замер у его горла.

Тишина.

«Тренировки с отцом не прошли даром», – подумала Ольга, и ею овладело восхищение собой. На Земле она и представить не могла, что когда-нибудь сможет так сражаться холодным оружием.

Мрик радостно взвизгнул где-то сзади. Птицы, притихшие было, запели снова, словно ничего не случилось. А Дроган замер, глядя на Олю снизу вверх.

Он смотрел на неё долго. Изучающе. Так, словно видел впервые. И вдруг на его губах появилась улыбка. Не злая. Не хищная. Другая. Почти... восхищённая.

– Ты, – медленно произнёс он, и в голосе его смешались удивление и восторг, – использовала магию. – Он усмехнулся, и в этой усмешке не было злости. – Если бы я применил свою, ты бы не стояла сейчас с тесаком у моего горла.

– Я тебя по-другому победить бы не смогла, – Оля не убирала тесак, хотя руки уже онемели. – Только обманом. Как и в тот раз.

Дроган усмехнулся, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти нежное – но только почти. Под этой теплотой чувствовалась сталь.

– Ты мне всё больше нравишься.

Оля стиснула зубы.

– Ты проиграл, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. – Могу я уйти спокойно домой?

Дроган медленно поднялся, не сводя с неё глаз. Тесак всё

ещё был нацелен ему в горло, но он будто не замечал угрозы – или она его не волновала. Его взгляд был прикован к её лицу, к её глазам, в которых, наверное, сейчас плясали отблески синего пламени. Он смотрел на неё так, как смотрят на добычу, которая вдруг оказалась интереснее любой другой.

– Знаешь, Линга, – сказал он тихо, и в его голосе не было насмешки, только странная, непривычная для него мягкость – мягкость хищника, который не торопится. – Из всех женщин, что я знаю, такую, как ты... – Он покачал головой, и в этом жесте было что-то почтительное, но не равное. – Я не встречал никогда.

Оля молчала. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать, мешая думать, мешая держать тесак ровно.

– Я и не догадывался, что у главы клана Змей такая старшая дочь, – продолжал он, и в его голосе звучало нечто, похожее на уважение – или на аппетит хищника, который, наконец, нашёл достойную добычу. – Иначе ты бы уже давно была моей.

– А если я не хочу?

Дроган усмехнулся.

– Не имеет значения. Главное – что я хочу. Драконы не спрашивают разрешения, когда хотят получить женщину.

Она хотела ответить, но слова застряли в горле. В его голосе не было сомнений. Он не спрашивал. Он утверждал. И в этой уверенности было что-то древнее, неумолимое – сама

природа хищника, для которого желание и право обладания были одним и тем же.

– Ты не боишься меня. – В его голосе послышались нотки восхищения, и это восхищение было опаснее любой угрозы. – Ты хитрая, Линга. Но как бы ты ни сопротивлялась, ты всё равно будешь моей.

– Ты слишком самоуверен, – сказала она.

– Я дракон. – Он улыбнулся – открыто, хищно, по-драконьи, и в этой улыбке было обещание, от которого кровь застывала в жилах. – И не вздумай думать о ком-то другом. Я убью его. И ты знаешь, что я это сделаю.

Ольга сразу вспомнила Кассиана. Его мягкие глаза, его нежные руки, его преданность, которую она не могла принять. И поняла, что страх за него – настоящий. Дроган не шутил.

Он сделал шаг назад, убирая меч в ножны. Движение было неторопливым, почти ленивым – он не спешил, хотя только что проиграл. Развернулся, чтобы уйти, но на полпути остановился и бросил через плечо:

– Линга, я привык получать то, что хочу. Драконы не умеют проигрывать.

Он ушёл в лес, растворившись среди деревьев. И только тогда Оля позволила себе выдохнуть. Тесак выпал из онемевших пальцев, ударившись о землю. Она стояла, дрожа всем телом, и смотрела туда, где он скрылся. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на всю поляну.

Она победила в бою. Но чувствовала себя так, будто проиграла нечто большее.

Оля сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку. Перед глазами всё ещё стояло его лицо – тёмные глаза, острые скулы, эта странная, хищная улыбка, от которой по телу пробегала дрожь. Губы горели, помня его дыхание. Она ненавидела себя за это – и не могла ничего с собой поделать.

В комнате было тихо. Две луны за окном заливали пол серебристым светом, и в этом свете её собственная тень на стене казалась чужой, незнакомой. Как и всё здесь. Как и она сама.

Она закрыла глаза, пытаясь вытеснить его образ, но он только становился ярче.

«Ты всё равно будешь моей».

Его голос звучал в голове снова и снова – низкий, хриплый, уверенный. Голос мужчины, который не привык проигрывать. Голос дракона.

За окном тихо шелестели листья, где-то вдалеке ухнула ночная птица. Мир спал. А она не могла сомкнуть глаз.

В памяти всплывали детали, которые она не замечала в пылу боя. Как двигались его мышцы под ткань рубахи. Как горели его глаза, когда он понял, что она его обманула. Как дрогнули его ресницы, когда он смотрел на неё снизу вверх, с тесаком у горла.

И странное, пугающее, сладкое чувство, которое охватило её в тот миг. Не страх. Не торжество. Что-то другое. Что-то, чему она боялась дать имя.

– Что ты со мной делаешь, Дроган? – прошептала она в подушку.

Две луны за окном насмешливо подмигивали, да сердце всё так же гулко колотилось в груди, отбивая странный, непривычный ритм. Ритм, который родился там, на поляне, под его взглядом.

Она легла на спину, уставилась в потолок. Спать не хотелось. Думать – тоже. Но мысли текли сами, не слушаясь, возвращаясь к нему снова и снова. К его глазам. К его губам. К его словам: «*Ты все равно будешь моей*». И где-то в глубине души, там, куда она боялась заглядывать, билась предательская мысль: «А что, если это не так уж страшно?»

Оля зажмурилась, приказала себе уснуть. Но перед глазами снова вставало его лицо – тёмные глаза, острые скулы, хищная улыбка.

– Что вообще со мной происходит? – в её шёпоте чувствовалась злость.

Она уснула под утро.

Глава 8. Подарок дракона

Три дня прошло после схватки с Дроганом.

Три дня Оля просыпалась с мыслью о его тёмных глазах, о его словах: «*Ты всё равно будешь моей*». Они эхом отдавались в голове, не желая уходить.

Она старалась делать вид, что всё в порядке. Тренировки, завтраки с семьёй, разговоры с Зефирой, прогулки верхом на Мрике. Но напряжение висело в воздухе, словно перед грозой.

Каждое утро, подходя к зеркалу, она всматривалась в своё отражение – в глаза Линги, которые теперь стали её глазами. И каждый раз ловила себя на мысли, что ищет в них ответ.

«Кто ты теперь? – спрашивал взгляд из зеркала. – И кто он для тебя?»

Оля отворачивалась. Ответа не было.

– Ты какая-то дерганая, – заметил Тристан утром четвёртого дня, когда они остались вдвоём на полигоне.

– Всё нормально, – автоматически ответила Оля, отрабатывая удар.

– Линга. – Брат опустил меч и посмотрел на неё в упор. Серебряная змея в его волосах блеснула на солнце. – Я не слепой. С тобой что-то происходит. И это началось после того, как ты вернулась из леса.

Оля замерла.

Она не знала, что сказать брату. Не могла же признаться, что Дроган возбуждает её, что каждая клеточка её тела, каждая мышца, каждая жилка трепещет при одной мысли о нём. Что она хочет его так, как не хотела никого в своей жизни – ни на Земле, ни здесь. Что этот запретный, опасный, пугающий жар разливается внизу живота, стоит только вспомнить его глаза, его губы, его голос, шепчущий: *«Ты всё равно бу-*

дешь моей».

Она промолчала. Только пальцы крепче сжали край рубахи, выдавая внутреннюю борьбу.

– Это связано с Дроганом?

Оля молчала. Этого было достаточно.

– Я убью его, если он тронет тебя, – спокойно сказал Тристан. Без пафоса, без угрозы. Просто констатировал факт.

– Не надо, – выдохнула Оля. – Он глава драконов, он сильнее. Ты же понимаешь, я не хочу, чтобы снова началась война. Но больше всего я не хочу, чтобы ты погиб.

– Я же говорил тебе: если ты не захочешь, никто тебя ему не отдаст.

– Я знаю, – Ольга улыбнулась. – Просто есть небольшие переживания. Ты же понимаешь?

– Понимаю, – Тристан обнял сестру за плечи, и они вместе направились к дому.

После обеда Оля пошла к тётушке Мире.

Старушка позвала её помочь с травами – и это было хорошим предлогом отвлечься. Дом Миры встретил её привычными запахами сушёных цветов, корней и древней магии.

– Садись, – буркнула Мира, указывая на лавку. – Вон те пучки перебери. Сухие листья отдельно, стебли отдельно.

Оля взялась за работу. Пальцы быстро привыкли к ловким движениям. Мира возилась у очага, что-то помешивая в котле.

– Слышала, ты с Дроганом встретишься, – не оборачиваясь, сказала старушка.

Оля поперхнулась:

– Откуда?

– У меня уши везде, – фыркнула Мира. – И не только уши.

И как?

– Красив, чертовски красив, – в её голосе слышалось восхищение.

– Понимаю. И что будешь делать?

– Не знаю.

Мира вздохнула:

– Ну, хоть честно. Ладно, помогай давай.

Ольга просидела у Миры до самого вечера. Здесь было уютно, спокойно, и старушка рассказывала о прошлом, об обычаях, о том, кого и как следует опасаться, чтобы Ольга не попала где-нибудь впросак.

– Иди уже, – сказала Мира, выглянув в окно. – А то стемнеет.

Вечер опустился на поселение быстро. Два солнца ушли за горизонт, и небо зажглось мириадами чужих звёзд. Оля сидела на крыльце своего дома, глядя на две луны, когда услышала странный звук.

Свист крыльев.

Что-то большое, тёмное опустилось прямо перед ней на перила крыльца.

Оля вздрогнула и отшатнулась, но тут же взяла себя в руки.

Это была птица. Огромная. Размером с земного орла, но в два раза больше. Чёрные перья отливали синевой в лунном свете, жёлтые глаза смотрели на неё без страха, а клюв – острый, загнутый – явно был создан для того, чтобы рвать плоть. На лапе птицы висел небольшой свёрток – кусок дорогой ткани, расшитой золотом.

– Ты откуда? – прошептала Оля.

Птица склонила голову набок, будто ждала.

Оля осторожно протянула руку и отвязала свёрток. Птица не двинулась, не клюнула, только смотрела своими жёлтыми глазищами.

Внутри ткани лежало кольцо. Массивное, из чёрного ме-

талла с красным камнем. И записка.

Оля развернула её дрожащими пальцами. Почерк был резким, уверенным, с нажимом:

«Я даю тебе это кольцо – знак моего выбора тебя в качестве спутницы дракона. И обещание: я приду за тобой. Не с войной. С предложением, от которого ты не сможешь отказаться.»

P.S. Это Коготь – мой посланник. Он будет прилетать. Корми его мясом, и он станет твоим другом.

Дроган»

Оля перечитала записку дважды. Потом в третий раз.

Птица – Коготь – всё так же сидела на перилах и смотрела на неё.

Коготь моргнул. Оля посмотрела на птицу:

– И что мне с тобой делать?

Птица расправила крылья, перелетела на спинку стула, стоящего рядом, и явно не собиралась улетать.

В этот момент дверь дома распахнулась, и на крыльцо выскочила Зефира.

– Линга! Я слышала какой-то шум, ты... – Она замерла, увидев птицу. – Ого! Какая красивая! Откуда он?

– Не знаю, – пробормотала Оля.

– А что у тебя в руке? Кольцо?

Оля быстро спрятала кольцо и записку в карман.

– От кого? – Зефира сияла любопытством.

Ольга не знала, что ответить.

Зефира перевела взгляд с Оли на птицу и обратно. Улыбка стала хитрой:

– От Кассиана? Нет, Кассиан бы подарил цветы, а не хищника... – Она вдруг ахнула. – Это же Северный Чернокрыл! Они живут только в горах драконов! Линга, откуда у тебя...

– Зефира, – перебила Оля устало. – Иди спать. Завтра поговорим.

Сестра надулась, но спорить не стала. Чмокнула Олю в щёку и убежала в дом, бросив напоследок:

– Спокойной ночи!

Оля осталась одна. Коготь сидел на стуле и явно не собирался улетать. Оля вздохнула, достала из кармана кольцо, покрутила в пальцах. Красный камень вспыхнул в лунном свете.

– Дроган, – прошептала она. – Что ты задумал?

Где-то в лесу ухнула ночная птица. Коготь встрепенулся, но остался на месте.

– Ладно, – сказала Оля, вставая. – Лети в мою комнату. И не вздумай гадить на пол.

Птица послушно перелетела на подоконник её комнаты. Окно было открыто, и Коготь, покрутив головой, устроился там, словно всегда здесь жил.

Она вошла в дом. Внутри стояла тишина – все уже разбрелись по своим комнатам. Ольга быстро прошла к себе, тихонько закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Спокойная жизнь кончилась. Дроган не просто угрожал – он начинал игру. И её первый ход – принять этот странный подарок или вернуть его?

За завтраком Зефира не могла молчать.

– Мама, папа, у Линги теперь есть Северный Чернокрыл! Он сидит у неё в комнате!

Мелинда поперхнулась чаем. Эрик отложил ложку и посмотрел на дочь долгим взглядом.

– Северный Чернокрыл, – повторил он. – Птица с гор драконов.

– Да! – Зефира сияла. – Он огромный! И красивый!

Эрик перевёл взгляд на Олю:

– Дроган?

Оля встретила его взгляд. Лгать отцу? Бесполезно. Он видел её насквозь.

– Да, – сказала она тихо.

Тишина повисла такая, что было слышно, как потрескивают угли в очаге.

– Что? – переспросил Тристан, побелев.

– Он прислал птицу вчера вечером. И кольцо. – Оля выложила на стол чёрное кольцо с красным камнем. – Сказал, что вернётся с предложением.

Мелинда охнула и прижала руку к груди. Она понимала – Дроган уже не просто присылал подарки, он настаивал.

Тристан вскочил, опрокинув стул:

– Я убью его!

– Сядь, – рявкнул Эрик так, что стены задрожали.

Тристан замер, но не сел.

Эрик взял кольцо, повертел в пальцах, посмотрел на камень.

– Это родовой знак клана Чёрного Дракона. Такие кольца носят только вожди. – Он поднял глаза на Ольгу. – Он предлагает тебе стать его парой. Теперь уже не просто подарки, которые ты отсылала обратно.

– Я знаю, – кивнула Ольга.

– Он начинает осаду, – усмехнулся Эрик. – Сначала подарки, теперь открыто предложил брак. Дроган не собирается отступать.

– Я верну кольцо, – твёрдо сказала Ольга.

Эрик смотрел на неё долго. Потом кивнул:

– Хорошо. Кольцо верни вместе с птицей – так же, как он передал его тебе. Это его птица. Они понимают драконов, как нас – кортуны, и мысленно общаются только со своим хозяином-драконом. Я не приму его предложение, – Эрик был твёрд.

Оля убрала кольцо в карман. Внутри всё дрожало, но она не показывала виду.

После завтрака Тристан догнал её у выхода.

– Я всё равно его когда –нибудь убью, – прошипел он.

– Тристан, не надо...

– Он слишком много о себе возомнил.

– Я сама виновата. – Оля остановилась и посмотрела брату в глаза. – Я сама захватила его в плен, забыл? И несколько дней назад я видела его снова.

Тристан замер.

– Где?

– На поляне, на опушке леса, и там я опять провела его, – Оля улыбнулась уголками губ. – Я сама напала на него первая, я понимала, что он сильнее и обманула его, воспользовавшись своим огнём. Теперь он так восхищён мной, что прислал даже кольцо.

Тристан открыл рот, закрыл, снова открыл:

– Чёрт, сестра, ты не перестаёшь меня удивлять. Но я не отдам ему тебя, он наш враг.

– Я знаю, – Ольга поцеловала брата в щёку, – я знаю, что вы не отдадите меня, если я сама этого не захочу.

Уже вечером Коготь сидел на специальной жёрдочке, которую Оля соорудила из старой вешалки. Птица явно была довольна – съела полкило мяса и теперь блаженно щурила жёлтые глаза.

Оля сидела на кровати и вертела в руках кольцо.

– Ну и что мне с тобой делать? – спросила она у камня.

Оля чувствовала от него странное тепло. Будто кольцо было живым.

Она подошла к зеркалу. Поднесла кольцо к свету – крас-

ный камень вспыхнул, отбрасывая алые блики на её лицо. На лицо Линги. На её лицо. В тёмных глазах плясали отблески пламени.

Коготь каркнул.

Она подошла к окну и долго сидела, глядя на две луны. Потом снова подошла к зеркалу.

– Что мне делать? – спросила она у своего отражения. – Дроган явно пришлёт сватов. Мира говорила, что у них тоже это принято, как у нас.

Отражение смотрело на неё в упор. Тёмные глаза, острые скулы. И в этих глазах она вдруг увидела то, чего не замечала раньше.

Огонь. Тот самый синий огонь, что жил в её ладонях. Он горел в её взгляде.

– Где-то там у нас, но я, похоже, уже вся здесь, – прошептала она.

И впервые отражение ответило ей улыбкой.

Где-то в горах драконов, за Серебряными хребтами, где воздух был разрежённым и холодным, а облака стлались ниже вершин, Дроган сидел в тронном зале своего замка и смотрел на пламя.

Зал был огромен – сводчатый потолок терялся в полумраке, поддерживаемый массивными колоннами из чёрного камня с прожилками золота, напоминавшими драконьи жилы. Вдоль стен, на высоких постаментах, горели факелы, но

их света едва хватало, чтобы разогнать тьму, – и это казалось не случайностью, а частью замысла. Казалось, сама тьма была здесь живым существом, дышащим в такт огню.

Пол был выложен плитами тёмного сланца, отполирован-

ными до зеркального блеска. В них отражались огни факелов, создавая иллюзию, что под ногами пылает подземное пламя. Меж плит тянулись тонкие золотые жилы, складывающиеся в замысловатые узоры – драконьи крылья, расправленные в полёте, головы зверей с раскрытыми пастьями, спирали, уходящие в бесконечность.

В центре зала, на возвышении из трёх ступеней, стоял трон. Он был высечен из цельного куска обсидиана – чёрного, гладкого, с едва заметными красными прожилками, которые вспыхивали, когда на них падал свет. Спинка трона уходила высоко вверх, завершаясь парой расправленных драконьих крыльев, вырезанных с такой точностью, что казалось, вот-вот они взмахнут. Подлокотники оканчивались головами драконов с раскрытыми пастьями, из которых вместо глаз горели рубины, отбрасывая кровавые блики на лицо того, кто сидел на троне.

Сам трон не имел подушек, мягких обивок, никаких уступок комфорту. Он был холоден, жёсток и величествен – как и тот, кто на нём сидел.

Позади трона, на стене, висело огромное полотнище – знамя клана Чёрного Дракона. Чёрный шёлк, тяжёлый и плотный, с вышитым серебряной нитью драконом, расправившим крылья на полстены. Глаза дракона были вышиты рубинами, и в свете факелов они казались живыми, следили за каждым, кто входил в зал.

Вдоль стен, на постаментах из чёрного мрамора, стояли

статуи прежних вождей. Каждая была высечена из камня, привезённого с той самой горы, где дракон впервые поднялся в небо. Каждая смотрела вперёд, и в их каменных глазах застыла вековая мудрость, гордость и, возможно, печаль.

Под ногами, на ступенях трона, лежали шкуры горных зверей – белые, серебристые, с длинным ворсом, напоминавшим мех северных хищников. Они были мягкими, тёплыми, но на них не ступал никто, кроме вождя.

По залу были расставлены тяжёлые дубовые скамьи для приближённых, их спинки украшала резьба – те же драконы, битвы, победы. На стенах между статуями висели гобелены, сотканые из шёлка и золотой нити, с изображениями великих сражений: драконы в небе, воины на земле, пламя, пожирающее врагов. Каждый гобелен стоил состояния, но здесь их были десятки, и они были не просто украшением – они были летописью клана.

Воздух в зале был тяжёлым, насыщенным запахами старого камня и металла – оружие, доспехи, украшения – всё это хранило запах железа и золота. И ещё здесь пахло властью. Той самой, древней, которая не требует доказательств, потому что говорит сама за себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.